

**Олег
Дивов**

САБОТАЖНИК ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ
Саботажник

«ЭКСМО»

2001

Дивов О. И.

Саботажник / О. И. Дивов — «Эксмо», 2001 — (Новый Дивов)

ISBN 5-04-088142-8

Вашему вниманию предлагается новейшая авторская редакция романа, которую писатель считает окончательной... Раньше он гонял чертей – теперь изгоняет бесов. Уволенный из десанта по инвалидности, капитан Причер вернулся в строй армейским священником. И однажды судьба забросила его на планету, где по небу летают крокодилы, а под ногами течет эликсир бессмертия. И ни малейшего шанса выбраться живым. Затерянная в джунглях военная база, ожидающая неминуемого конца, – воистину место, забытое Богом. Предыдущий священник здесь просто сошел с ума. Так что же – время молиться?..

ISBN 5-04-088142-8

© Дивов О. И., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Дивов

Саботажник

*За информацией касательно загробной
жизни, будьте добры, обращайтесь к
ближайшему священнику, пастору, раввину,
мулле или любому другому аккредитованному
представителю Господа. Спасибо за звонок
на Небеса.*

из Роберта Шекли

*Саботаж (фр. sabotage) – 1) намеренный
срыв работы путем открытого отказа от нее
или умышленного ее невыполнения; 2)
скрытое противодействие осуществлению чего-либо.*

Словарь иностранных слов

Глава первая

На орбитальной станции капитан Причер весь извелся, ожидая шаттл с Кляксы. Его так и подмывало зайти в сортир, отстегнуть протез, вытащить заветную флягу и как следует вмазать. Когда объявили, что шаттл задерживается, капитан с облегчением вздохнул и почти бегом припустил выполнять задуманное. Тут-то его и окликнул знакомый голос.

Причер неохотно оглянулся. Капитан сохранил характерные бронебойные повадки, с головой выдающие офицера десантного подразделения, только вот знаки различия у него теперь были совсем не те, что прежде, а на шее предательски светился белый воротничок.

– О-па! – удивился такой же громила, но с майорскими звездами в петлицах. – Ты чего, в контрразведчики заделался?

– Сын мой! – хмуро сказал Причер. – Сдается мне, в прошлую нашу встречу ты бы поостерегся хамить другу и учителю. Но сегодня я тебя прощаю... Как насчет исповедаться?

В результате длительной приватной беседы о духовном Причеру здорово полегчало, и на борт шаттла он вступил с благостной улыбкой. Окружающие почему-то отказались разделить его восторги. Для начала Причера вытолкали из кабины экипажа и отняли дымящее кадило, чем весьма капитана обидели. Потом выяснилось, что пассажиры все сплошь одержимы бесом и очень нервно реагируют на попытки окропить их святой водой. Больше всех орал какой-то молодой лейтенант, но мигом заткнулся, когда Причера на него стошнило.

Короче говоря, на главную военную базу Кляксы капитан Причер был доставлен с комфортом – его уволокли под руки два сержанта из «эм-пи».¹

– А еще священник! – возмущался командир шаттла ему вслед.

В камере гауптвахты Причер ощутил, что может держаться на ногах и воспрял духом.

– Ну, кто тут первый на расстрел?! – осведомился капеллан, расправляя плечи. – Давай сюда, живьем оприходую!

– А как насчет по шее? – поинтересовались откуда-то из угла.

– Легко! – обрадовался капеллан. – Я же говорю – давай сюда. И по шее тебе достанется, и в рыло, и куда ни попроси. Милости просим к раздаче! Подходи по одному! Чует мое сердце – всеми тут без различия обладают кровь и убийство, хищение и коварство, растление, веро-

¹ МР (англ. military police) – военная полиция (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.)

ломство, мятеж, клятвопреступление, расхищение имуществ, забвение благодарности, осквернение душ, превращение полов, бесчиние браков, прелюбодеяние и распутство!² А посему, грешники – ко мне!

– Слышь, batiushka, ну кончай же шуметь! – попросили из угла, на этот раз куда более миролюбиво.

– Русский, что ли? – прищурился капеллан.

– Угу, – на дальней койке сел усатый толстяк в драной тельняшке. – Старшина Кронштейн, ракетный катер «Ненормальный», командир правого борта. Выпить есть?

– Так уж и «Ненормальный»? – усомнился капеллан, подходя к усатому и присаживаясь рядом.

– А какой же он еще, раз тринадцатый номер! Может быть такой номер у боевого судна? ... Ого! Да ты целый капитан! Виноват, сэр. Больше не повторится.

– Фигня, – отмахнулся Причер, закатывая штанину. Он отстегнул протез, извлек из него пластиковую флягу со скотчем и небрежно бросил искусственную голень на соседнюю койку. – Угощайся, сын мой. Na zdrowie!

– Благодарствуйте, святой отец, – Кронштейн основательно приложился к горлышку, крякнул и вытер усы. – Вещь! Из-за нее, родимой, и сидите?

– Вроде того. Сам-то за что здесь?

– Да в сержантском баре с вашими гомосеками подрался.

– Чего так?

– А чего они гомосеки?

– Не понял?..

– Сами только что говорили – превращение полов...

– Ну, это так, цитата. Когда написано-то было! – отмахнулся Причер. – Библия книга суровая, но справедливая, там эпизоды есть, в которых праведнее многих прочих оказываются блудница да мытарь. Помнится, и с геями не все так просто... – капеллан пустился в рассуждения, и фляга как-то сама собой уговорилась до дна. Ее место заняла другая, возникшая будто ниоткуда, уже одним своим внушительным объемом радующая душу. В зарешеченном окне смутно угадывались чужие звезды, далеко на болотах истошно взвизгивала какая-то дрянь.

– Эх, хорошо бухаем! – радовался Причер. – Спеть, что ли? Давай вашу, русскую!

– Запросто. Эту знаете? – и Кронштейн затянул басом:

He could preach the Bible like a preacher
Full of extasy and fire
But he also was the kind of teacher
Women would desire!

– Так это ж прям про меня! – восхитился Причер.

Ra-Ra-Rasputin,
Lover of the russian Queen!

Под такую песню выпивка потекла буквально рекой. Причер легко запомнил текст, и когда начали петь по третьему разу, в окне задребезжало раскоканное пуленепробиваемое стекло. Особенно капеллану нравилась фраза «he could preach the Bible like a preacher» – он хватал с койки отстегнутую ногу и начинал бить себя пяткой в грудь.

² Премудрости Соломона, 14:25 (неканонич.). Далее по тексту цитаты из Библии, которыми оперирует капитан Причер, не комментируются и никак специально не выделяются. И так видно.

– Эй, вы, там! – надрывались в коридоре. – Молчать, задержанные!

– Сам заткнись, сопляк! Еще раз вякни, отпущение грехов раком будешь вымаливать!

Приди только ко мне на исповедь!

После такой угрозы полицейский резко присмирел.

– А вот эту... – предложил Кронштейн.

Moonlight and vodka
Takes me away.
Midnight in Moscow
Is sunshine in L.A....

– До чего же у вас, русских, песни душевные...³ – вздохнул капеллан, прижал к груди свой протез, обнял его и горько заплакал.

Утром в камеру вошел здоровенный бугай – «эм-пи» с сержантскими нашивками и изукрашенной синяками распухшей мордой.

– Вставай, алкаш пархатый, – сказал он Кронштейну. – За тобой мичман Харитонов приехал.

– Рановато, – удивился Кронштейн, натягивая порванный китель. – В поход собираемся, что ли?

– Ты куда сейчас? – спросил капеллан.

– На базу, наверное. Знаете – плавбаза «Свободно Плавающая Тревога»? Знатная коробка. На вид баржа баржой, а с одного залпа авианосец топит. Не наш, конечно, ваш. Наши-то покрепче будут.

– Слушай, шовинист густопсовый! – разозлился сержант. – Идешь, или как?! Твой мичман, наверное, уже под стол упал...

– Харитоша норму знает, – отмахнулся Кронштейн. – В шесть утра он еще как огурчик. Вот к обеду... Ну, святой отец, благослови на дорожку раба Божьего. Кто его знает, увидимся ли еще.

Причеру вставать было лень, тем более – без ноги. Он просто сел на койке чуть прямее. Но в капеллане произошла вдруг перемена, неуловимая внешне, однако до того разительная, что Кронштейн подтянул живот и встал смирно, а хмурый сержант глупо вытаращился.

– Благословляю тебя, сын мой, – произнес капеллан глубоким и полным значения голосом. – И властью, данной мне Святым Престолом, отпускаю тебе все будущие грехи, протекающие из сути твоей службы. Ты выполняешь святую миссию – защищать невинных. А потому – еще раз будь благословен. Коли трудно придется – вспомни: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться». Иди же с миром.

– Бррр... – поежился Кронштейн. – До костей пробирает. Спасибо. Век не забуду.

– В какую дырку ему ваше благословение, святой отец? – процедил сержант. – Он же чистый фашист. И даже не католик...

– Мальчик, – лениво сказал Причер. – Во-первых, я хоть и неправильный, а все-таки целый капитан. А во-вторых – окстись. Господь всякую хулу долго терпит, но потом так шандарахнет, что мало не покажется. Может даже и моей карающей десницей, – с этими словами Причер взвесил на ладони протез.

– Виноват, сэр, – потупился сержант. – Извините.

³ Дабы не нарушать авторских прав, уточним: спетые персонажами русские народные песни больше известны в исполнении «Boney M» и Chris De Burgh.

– Пошли, милашка! – усмехнулся Кронштейн и хлопнул сержанта по задку. Тот схватился было за дубинку, но под взглядом капеллана передумал и только горестно вздохнул.

– А пожрать мне дадут? – крикнул Причер сержанту вдогонку, но ответа не удостоился.

Минут через пять явились и за Причером. На этот раз пришел другой «эм-пи», но тоже сержант, и тоже почему-то с разбитой физиономией.

– Вставайте, господин капитан, – сказал он. – Полковник за вами адъютанта прислал.

– А я думал, позавтракать успею, – нахмурился капеллан, пристегивая ногу.

– Да зачем вам наша баланда, сэр? В офицерской как раз накрывают.

– Отлично! Слушай, малыш, что-то я хотел спросить... Да! Как у русских плавбаза называется?

– Большой многофункциональный боевой корабль «Тревога», сэр.

– Ну и хохмач этот ракетчик! – усмехнулся Причер.

– Который с вами сидел? Он не ракетчик, сэр. Он корабельный психиатр. Только, разрешите доложить, похлеще любого сумасшедшего...

На выходе с гауптвахты капеллана поджидал улыбающийся лейтенант – слава Богу, не тот, которому Причер испортил мундир на шаттле.

– Поздравляю с успешным прибытием, святой отец! Командир базы желает вам доброго утра и приглашает к столу.

– М-м... Он как вообще – ничего? – осторожно спросил Причер. – Ну, в смысле – насчет того, что я...

– Никаких проблем, ваше преподобие. Он скорее обрадовался. Это хорошо, говорит, что новый капеллан нормальный мужик. Прошлый-то наш был того... Строгий.

– Я не строгий, – обнадежил лейтенанта Причер. – Я справедливый.

– Да мы слышаны. Здесь, на Кляксе, много разного народу служит, так что и бойцы попадают ваши, и просто – прихожане. Говорят, талант у вас...

Тут в небе кто-то оглушительно пукнул. Капеллан в изумлении поднял голову, но лейтенант схватил его за локоть и дернул назад, на крыльцо.

– Твою мать! – воскликнул он. – Снова летят! И, кажется, со снижением, чтоб их... Ой, простите...

– Ничего. Это что такое?

– Драконы на новое пастбище кочуют. Опять весь плац уделают, мать их так... Извините, святой отец, вырвалось.

Причер обалдело глядел вверх. Отправляя на новое место службы, ему всучили кучу файлов про фауну Кляксы, но он в них, конечно же, не посмотрел. Зато теперь своими глазами увидел, что такое знаменитые местные «драконы». Растопырив короткие лапы, по небу медленно дрейфовала стая невообразимо раздувшихся тупорылых крокодилов. От гулкого пуканья заложило уши. На асфальт начали шлепаться зеленые вонючие кляксы, полетели брызги. Лейтенант предусмотрительно затащил остолбеневшего Причера за дверь и прикрыл ее.

Естественно, у Кляксы было официальное название. Еще считалось, что Кляксой ее прозвали за своеобразную форму единственного материка. Но сейчас, глядя, во что превращается территория базы, Причер в этом усомнился. У болотных крокодилов, как у любого травоядного животного, невообразимо длинный пищеварительный тракт и страшно много кишечных газов. Крокодил ползает по болоту и жует водоросли, а когда съедает все, попросту зажимает анальное отверстие, снабженное мощным сфинктером. Постепенно зверя раздувает, он поднимается в воздух и летит с попутным ветром к новому месту прикорма. Когда ему приходит время снижаться... Ну, теперь Причер увидел, как именно он стравливает избыточное давление.

– Почему их на подлете не отгоняют? – удивился капеллан.

– Простите, сэр?.. Их вообще-то сбивать положено.

– За что?!

– Да вы послушайте... – лейтенант красноречиво ткнул пальцем. С улицы доносился характерный гул коврового бомбометания. – Теперь всю базу часа на два парализует. А как еще с ними бороться?

– Ну и обленились вы тут! – пробормотал капеллан. – Всего-то и надо – пару истребителей, да кусок сети. Маскировочная, и та сойдет. Загрести стаю как неводом, протащить ее вокруг базы – пусть себе дальше летит. Сбивать? М-да... Хорошенькое решение. Ладно, а почему тогда сирены не было? Это же какая-никакая, а угроза с воздуха.

– Зенитная батарея на профилактику встала – ну, под это дело решили купол главного радара почистить, а то он весь зас... В смысле, грязный очень. Короче, там у них обесточено сейчас.

– Погоди! Всего одна зенитная батарея?!

– Вторую ржавка на той неделе съела. Наверное, какой-то мудака немывтыми руками за стволы хватался, черт его дери. Ой, простите, снова вырвалось. А ржавка – это вы знаете наверное, вирусная коррозия.

– Господи, чем я тебя прогневил?! – возмутился Причер. – Куда ты меня засунул, идиота грешного, кретина недоделанного?!

– Вообще-то в очень приличное место, сэр, – сообщил лейтенант. – Не с людьми воюем, а охраняем разработки полезных ископаемых от давления биосферы. Чистая и почетная работа.

– Спасибо, утешил, – хмыкнул капеллан. – Мне в одном таком же чистом и почетном месте ногу по самое колено оттяпали. Шурую по грязище, никого не трогаю, тут высовывается мерзость какая-то... Левую башку я ей, понятное дело, отстрелил, а она меня правой – чик! И готово. Уравняла счет, зараза. В итоге я победил два-один, но что-то мне от этого выигрыша по сию пору не радостно. Ну чего, потопали?

– Даже и не думайте. Я джип вызову, – сказал лейтенант. – Сейчас если пешком идти – не отмоемся потом. Ох, мать-перемать... Извините, святой отец.

– Да расслабься ты наконец! – рявкнул капеллан. – Что я, по-твоему, не человек? Тоже могу э-э... Выразиться, когда надо. Сказано же: «Крепкое словцо, вовремя и к месту произнесенное, облегчает душу. Частая ругань лишает ругательство смысла. Примечание: ругань не делает карты хорошими, а ветер попутным».

– Это из Писания? – благоговейно млея, спросил лейтенант.

– Это из Джека Лондона... Сынок! – процедил капеллан.

Глава вторая

Перед офицерской столовой трудилась дезинфекционная команда: взвод солдат в комбинезонах химзащиты отмывал следы пролета крокодилей стаи. Причеру на миг показалось, что даже сквозь загерметизированные маски он слышит приглушенную ругань. Он и сам бы с удовольствием залез в скафандр – вонища на территории стояла невообразимая, а теперь к ней добавился едкий аромат патентованного средства, убивающего все известные науке микробы.

– Ну, ваше преподобие, с боевым крещением! – приветствовал капеллана полковник. – Согласитесь, под такой экзотической бомбежкой вы еще не бывали.

– Все лучше, чем тонуть в навозной яме, – парировал капеллан. – Господин полковник, капитан Службы поддержки Причер в ваше распоряжение прибыл.

– Вольно, капитан, вольно... Присаживайтесь, разделите нашу скромную трапезу. Знакомьтесь: майор Джефферсон, мой заместитель по тыловой. Майор Виллис, военная полиция. Майор Лурье, начальник ПВО и воздуха, это по милости его раздолбаев мы вынуждены завтракать в такой э-э... богатой на запахи обстановке. И наконец, главный по разведке майор Кэссиди, ваш бывший подчиненный и давний почитатель. Остальные не смогли прийти, они сейчас дерьмо на территории разгребают. Но тоже, смею вас заверить, офицеры достойные и вполне богобоязненные.

– Мир вам, господа, – сказал Причер, по очереди пожимая всем руки. Кэссиди он заговорщически подмигнул: мол заходи, когда сможешь.

– Мира у нас тут хоть отбавляй, – заявил, жуя, Виллис из «эм-пи», – а вот мирского смирения не хватает. Сплошь и рядом грубость и нетактичное поведение, хулиганские выходки, немотивированная агрессия. И если бы только среди рядового состава! Младшие офицеры распоясались дальше некуда. Да и среднее звено... – Виллис явно хотел одарить Причера красноречивым взглядом, но, видимо, для первого раза постеснялся. – Пьянство, ругань, хамство на каждом шагу...

«Ой, как стыдно», – мелькнуло у Причера в голове. Он принял у официанта поднос с завтраком, быстренько про себя возблагодарил Господа за ниспосланную пищу и начал есть. Пища оказалась вкусная – наверное, в отличие от начальника военной полиции, Господь на Причера не дулся.

– Кончайте нудить, Виллис, – бросил полковник. – Хоть капеллана бы постеснялись – что он о нас подумает?

– Пусть знает, куда попал, – не унимался Виллис. – Пусть отдает себе отчет в том, с кем ему придется работать. Вчера спустилось с орбиты двадцать человек отдыхавшей смены. Лейтенант Мерфи уже на поверхность сошел, простите, весь в блевотине. После чего вместе с экипажем шаттла учинил в офицерском баре дебош, и теперь мы вынуждены аж до следующего борта сверху перебиваться без виски – оно просто кончилось. Двое молодых героев из команды нашего уважаемого майора Кэссиди ночью скрытно пересекли зону берегового охранения и купались в море. Теперь они лежат в санчасти, очень гордые своим подвигом, и раньше, чем к следующей неделе, не протрезвеют. Вы знаете, святой отец, какие в здешнем море бактерии? Ничего, узнаете. Та-ак, что у нас еще новенького...

– Может, хватит? – спросил полковник. – Аппетит отбиваете своими нравоучениями. Можно подумать, сами в море никогда не лазили.

– Если кто-то забыл, могу напомнить, что даже приближаться к воде без респиратора запрещено, – вкрадчиво сказал Виллис. – Еще могу сообщить, что силы «эм-пи» ограничены, и мы физически не можем каждый Божий выходной растаскивать на себе по койкам почти тысячу человек. И ладно бы они просто надирались. Они же все как один великие юмористы! Эксцентрики, черт их дери! Простите, капеллан, вырвалось. Чей-то лифчик на флагштоке –

это я еще понимаю. Все мы были молоды и всячески демонстрировали неуважение к устоям. Это-то проходит. Но когда у борделя выставляется пикет с требованием снизить цены и угрозой объявить безвременный мораторий на половую жизнь... В конце концов у нас тут не университетский городок, а военная база. Я уж не говорю о том, что мичман Харитонов завел моду передавать с территории порта сигнальным прожектором нецензурные стишки. Причем наши бедные связисты обязаны по регламенту всю его матершину заносить в журнал, что они и делают... А посмотрите на этого русского клоуна Эйба Кронштейна... – тут Виллис неодобрительно покосился на капеллана уже в открытую.

– Кстати, я хотел спросить, – перехватил инициативу Причер. – Если Кронштейн психиатр, то почему всего лишь старшина? Он не может быть по званию ниже лейтенанта. Его что, разжаловали?

– Да никакой он не старшина, – усмехнулся полковник.

– Я и говорю – клоун, – удрученно вздохнул Виллис и налил себе молока.

– Перестаньте, Виллис. Мы все отлично знаем Эйба Кронштейна. То, что «Тревога» до сих пор не сошла с ума оптом и в розницу, исключительно его заслуга. Ну почему ему нельзя позволить себе маленькую вольность – одолжить у старшины китель и закатиться в сержантский бар? Может, это вы ему надоели. Созерцать вашу постную физиономию по вечерам отнюдь не большое удовольствие. А вот насчет ситуации вокруг публичного дома вы правильно заметили. Такие выходки уже смахивают на подрыв боеготовности. Кстати, мне пришел запрос из Службы поддержки – волнуются, отчего доходы упали. Признаться, я оказался в легком замешательстве. Не докладывать же им, какой у нас бардак насчет борделя приключился... Святой отец, – полковник обернулся к Причеру, – вы эту проблему возьмите на заметку, а? Может, повлияете как-нибудь на людей. Пока Служба поддержки не вспомнила, что вы здесь ее старший по званию и не додумалась поручить вам разбирательство официально.

Причер кивнул.

– Случай не психиатрический, – обнадежил его Кэссиди. – Парни всего лишь валяют дурака. Я знаю, кто у них зачинщиком. Один из моих деятелей, который сейчас лежит в санчасти. У него деньги кончились, до полочки далеко, а в долг просить гордость не позволяет. Ну, он и выдумал акцию протеста.

– Вы меня так утешаете, будто я в этой истории главный пострадавший, – заметил Причер. – Честное слово, хоть я и прохожу с девицами по одному ведомству, но тут мои взгляды с руководством Службы поддержки расходятся.

– Ах, ну да! – вспомнил Кэссиди. – Как же, как же. «Гусары денег не берут» и все такое прочее. Слыхали.

– «Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? Ибо сказано: два будут одна плоть», – обрадовал собравшихся цитатой капеллан.

Некоторые из сидящих за столом заметно передернулись.

– Я всегда относился к борделям как к необходимому злу, и не более того, – сказал Причер твердо. – Даже не потому, что покупать чужую плоть в принципе грешно. И не в том дело, что я уже пять лет как священник. Вы мою человеческую точку зрения поймите. Неприятно мне платить за секс, и все тут. Чересчур горькая точка в конце удовольствия. Все равно что напиваться с единственной целью – помучиться от похмелья. Только при грамотном обращении с алкоголем можно неделями ходить в состоянии легкой эйфории. А грамотное обращение с блудницей приведет лишь к тому, что она в тебя влюбится и однажды скажет, мол, плата ее унижает. Ты вытащишь ее из борделя, повесишь себе на шею... С таким же успехом можно было найти обычную женщину, и с самого начала не платить.

– Где вы тут найдете обычную женщину? – поморщился Виллис. – Крокодилиху разве что...

– Я и не буду искать ее здесь. Я найду ее на Земле, когда выйду в отставку и сложу духовные полномочия.

– Капитан Причер очень принципиальный, – ввернул Кэссиди. – Я вам не рассказывал, как он из принципа однажды чуть в дерьме не утонул?

– Ты лучше расскажи, как у меня один молодой лейтенант бегал зимой вокруг бронетранспортера. Повышал температуру окружающей среды путем трения своего тела о воздух, – напомнил Причер.

Кэссиди тут же уткнулся носом в тарелку.

– Удивительно, – вступил в разговор молчавший до этого тыловик Джефферсон. – Смотрю на вас, святой отец, и поверить не могу, что вы – и вдруг святой отец.

– Не похож? – хмыкнул Причер.

– Очень даже похожи. Чувствуется в вас этакая... Внутренняя сила. Только как-то странно. Потерять на службе ногу и все равно вернуться, уже в образе армейского священника... Простите конечно, может быть это очень личное. Но за что вы так любите вооруженные силы?

– Я не люблю вооруженные силы, – покачал головой Причер. – Но я потомственный солдат и хорошо знаю, до чего военные ранимые и незащищенные люди. Все это наше ухарство, весь этот доморощенный мачизм... Просто защитная реакция. Как и вообще склонность к разрешению вопросов насильственным путем, которая, собственно, и приводит человека в армию. Каковая склонность происходит от неуверенности в себе...

– Вы это Кронштейну объясните, когда он из похода вернется, – саркастически посоветовал Виллис. – Чтобы больше к моим гомосекам не цеплялся. Пусть наконец-то уверится в себе и избавится от тяги к насилию. Тьфу! Как других таблетками потчевать и аутотренингу учить, так это он всегда готов. А в собственных проблемах разобраться – фигушки.

– Я, например, вообще к насилию не склонен, – сообщил начальник «воздуха» Лурье. – Получается, я в себе уверен?

– Это неосознаваемая склонность, – объяснил Причер. – Вам кажется, что вы не склонны, а на самом деле...

– Да я на самом деле не склонен, кого угодно спросите.

– Понятно, – кивнул полковник. – А я-то, дурак, удивляюсь – почему на всей территории дерьма по колено?! Это потому что майор Лурье пацифист. Крокодилов ему жалко. Еще одна такая дурацкая ситуация – заставлю поднимать истребители. Ясно?

– А керосин?! – взвился Лурье.

– А чтобы не тратить попусту горючее, возьмите и обеспечьте нам бесперебойную работу ПВО.

– Тогда выбивайте в штабе корпуса третью батарею...

– Вот это люди, – вздохнул полковник. – Вот это офицеры. Прямо не оперативное командование, а обоз какой-то. Знаете, а ведь наш старина Виллис недалек от истины. Грубость и нетактичное поведение на Кляксе превратились в образ мыслей и стиль несения службы. Ничего, дорогой мой господин Лурье, я и эту заявочку молча съем. И не такое кушали. Но когда в очередной раз со всех сторон пойдёт... Вы слышите, Лурье? Когда снова нас обложит, вы мне организуете все. И батареи стрелять будут обе, и керосина окажется неиссякаемый источник. А если нет...

– Виноват, господин полковник, сэр. Я и не думал вас оскорбить, сэр. Сегодня к двадцати часам будет восстановлена полная боеготовность, включая резерв горючего, сэр. Я просто хотел отметить, что третья батарея, о необходимости которой...

– О третьей батарее забудьте, – оборвал майора полковник. – Штаб ее не даст. А горючее откуда возьмете?

Лурье бросил короткий взгляд на Джефферсона. Тот довольно ухмыльнулся.

– Его как раз сейчас воруют, – объяснил тыловик. Он посмотрел на часы. – Уже наверное украли. Не беспокойтесь, ворует не мы. Русским нужен свой неучтенный резерв, ну, они и договорились с каким-то пройдохой на скважине. А мы у русских по-честному займем до следующей поставки. Вы не против, сэр?

Полковник равнодушно хмыкнул.

– Повезло нам с флотом, – сказал он. – Если нужно что-то спереть или наоборот, промотать и разбазарить – зови русского. А у нас он всегда под боком. Кстати, о русских. Точнее, о позорных выходках и непотребствах в русском стиле. Виллис, слушайте приказ. Я понимаю, вам тяжело приходится. и тем не менее – все силы на борьбу с мичманом Харитоновым. Никакого попустительства антиобщественному поведению. Довольно пьяных безобразий. У нас теперь опять есть священник – и как мы будем смотреть ему в глаза, если не сможем призвать людей к порядку?

Офицеры словно по команде уставились на Причера. Капеллан скромно потупился и чуть ли не покраснел.

– Все, я объявляю! – полковник несильно треснул по столу кулаком, стол зашатался. – С этого утра база на Кляксе обрела страх Божий, ум, честь и совесть. Если в ближайшее время здесь не устаканится нормальная военная атмосфера, тогда я сам займусь насаждением уставного регламента. А вы знаете, что бывает, когда я за это дело берусь. У меня вся база строем будет ходить. И в кабак, и в бордель, и в в казарму баиньки. Плюс учебная тревога ежедневно. Совершенно внезапно, за час до подъема. И пожарная через ночь, с реальным тушением мусоросжигателя. Так-то. Все позавтракали? Задачи ясны? Тогда свободны, господа. А вы, святой отец, не торопитесь, кушайте. У меня к вам еще несколько вопросов.

Офицеры поднялись из-за стола и, раскланявшись с Причером, гуськом направились к выходу.

– Между прочим! – вспомнил полковник. – Майор Кэссиди, на минуточку! Послушайте, святой отец, по боевому расписанию вы подчиняетесь майору Кэссиди. Это нормально? Не будет возражений? Я понимаю, между вами не все так просто, как кажется...

Причер обернулся к двери. Кэссиди, внешне храня уставное каменное спокойствие, глядел на своего некогда командира и учителя. И капеллан увидел, какой жгучий интерес кроется за этой безразличной маской. А действительно, каково это – попасть под начало к офицеру, которого ты во время оно то гонял вокруг «броника», то заслонял собой от гибели?

– Я капитан и инвалид, – просто сказал Причер. – А господин Кэссиди майор и лучший мой ученик. Его компетентность не вызывает ни малейших сомнений. Как и его право отдавать мне приказы. Какие тут могут быть возражения? Тем более, майор наверняка загонит старика Причера на пост связи, чтобы тот под ногами не путался.

Полковник вопросительно посмотрел на Кэссиди.

– Святой отец прибудняется, – Кэссиди позволил себе легкую усмешку. – Компетентность э-э... «старика Причера», как он изволил выразиться, чересчур высока, чтобы зарывать ее в местную почву. Командиры десантных разведрот, пусть они и святые отцы по совместительству, на дороге не валяются. Поэтому в новом боевом расписании капитан Причер пойдет тактическим координатором. Это его коронная дисциплина – оперативное взаимодействие на уровне роты. А в случае моей гибели капитан переводится на заместителя начальника разведки. Соответствующий рапорт уже должен быть в канцелярии, господин полковник, сэр.

Теперь полковник с немим вопросом в глазах повернулся к капеллану. Только цена вопроса здорово возросла. У Причера остро кольнуло в груди. Такого доверия от Кэссиди он не ожидал. Да и вообще ни от кого. Сказав «я инвалид», Причер вовсе не кокетничал. Он к кокетству не был склонен – в отличие от решения вопросов насильственным путем.

* * *

Некоторое время полковник молча изучал новообращенного священника и разведчика, да так внимательно, будто пытался взглядом просветить его насквозь.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Идея мне нравится, но... В общем считайте, майор, что ваш рапорт принят к рассмотрению. Постараюсь с решением не затягивать. Благодарю, свободны.

Кэссиди отсалютовал полковнику, незаметно подмигнул капеллану и исчез за дверью. Полковник размышлял, барабанил пальцами по столу. Причер давился кашей и терзался сомнениями.

– Какие теплые взаимоотношения у вас в управлении, – пробормотал он, стараясь заполнить излишне затянувшуюся паузу. – Дружеские. Это хорошо.

– Не лукавьте, отче. Скажите уж прямо: неуставные отношения. Панибратские. Ничего удивительного. Давно воюем бок о бок, а ротации кадров нет. Тут хочешь-не хочешь, а подружишься. Даже с этим занудой Виллисом. Моралист несчастный. Сначала распустил своих гомосексов так, что дальше некуда, а теперь удивляется – чего это их обижают? А почему, спрашивается их не обижать? Когда тебя на «губу» волокут два здоровенных лба с дубинами, все нормально. Дело житейское... – полковник не удержался и хихикнул, здорово Причера смутив. – А вот когда эти самые лбы у тебя за спиной глазки друг другу строят... Тьфу!

– А что значит – нет ротации кадров? – поинтересовался капеллан, отодвигая поднос и наливая себе кофе. – Здесь же сплошные джунгли. Та еще мясорубка должна быть. Сам не угробисься, так съедят.

– Я про управление бригады. Пятый год ни одной царапины, – полковник не очень ловко перекрестился, видно было, что отвык. – Рядовой-то состав мрет, конечно. Лейтенанты иногда гибнут, священника потеряли... Кстати, вы не в курсе, что с ним конкретно?

– Служба поддержки такие случаи не афиширует. Умереть на боевом посту – сколько угодно, а с ума сойти – недостойно. Мне сказано было просто: тронулся мужик. А у тебя, мол, капитан, психика устойчивая, десантная, вот ты и дуй на Кляксу...

– Это все от запаха, – полковник отвернулся к маленькому грязноватому окошку, за которым смутно угадывалась неторопливая армейская жизнь, и тоскливо вздохнул. – Вас-то как, не коробит?

– Помнится, Кэссиди намекнул, что я однажды в дерьме чуть не утоп, – заметил Причер без гордости.

– Да при чем тут дерьмо! – отмахнулся полковник. – Я про запах джунглей. Выйдете – примухайтесь. Он тут повсюду. Будто крысу дохлую под фуражкой таскаешь. Запах гниения. Тяжелый, давящий, въедается во все. Запах смерти. Думаю, этот-то запахок вашего предшественника и доконал. И меня он рано или поздно доведет до психушки. А замены нет. Понимаете, Причер, нет замены! Вы говорите – где ротация кадров? А хрен ее знает, куда она подевалась. Чтобы прислали человеку замену, его нужно убить или свести с ума. Никто не хочет на Кляксу. Открещиваются любыми доступными способами. Противно им на Кляксе. Опасно тут для жизни, да еще и воняет. А знаете, когда вонять перестанет? Через месяц примерно, когда ветер переменится. С моря погонит галлюциногены, я отдам приказ ходить в намордниках. И еще недели две мы будем задыхаться в масках. Но от вонищи зато отдохнем. И когда снимем маски, поначалу нам этот запахок амброзией покажется. Только едва я вспоминаю, что вдыхать эту амброзию мне до самой пенсии... А именно восемьсот шестьдесят четыре дня... И терпеть, что мой личный состав потихоньку трогается, а я – вместе с ним. Вы знаете, что в джунглях уже видели чертей? Да-да, чертей. Зеленых таких, чешуйчатых... Тьфу! В препоганое местечко занесло вас, отче. Одно слово – биогенная аномалия.

– Мне выбирать не приходится, – вздохнул Причер. – Я ведь тоже в каком-то роде э-э... аномалия. Единственный одноногий в Военно-Космических. Пусть и не совсем настоящий, но все-таки кадровый офицер. Превеликим чудом в строй вернулся. Если бы не папа...

– Римский?! – изумился полковник. – Мой.⁴

– А-а... – полковник на миг задумался и тут же просиял. – Естественно! Конечно! Трехзвездный генерал от инфантерии М.Дж. Причер, сын адмирала Дж. М.Причера. Просто в голову не пришло, что вы из тех самых Причеров. Как же меня ваш папаша дрючил в Академии! Так он живой еще? Ой, простите, это я от удивления.

– Ничего. Живой. И по-прежнему зверствует у себя на кафедре. Это меня и спасло – его же по старой памяти весь Генштаб боится.

– Я их понимаю. Ну ладно, Причер. Шутки в сторону, веселье по боку. Как у вас с подвижностью?

– Так себе... – признался капитан.

– А именно?

– Ну... Километров двадцать с полной выкладкой еще пробегу, а потом либо останавливаться и полчаса на замену демпфера в протезе, либо... Ну, будет очень больно тому, что осталось от ноги. Демпфер запасной у меня конечно есть. И еще – ногами драться неудобно, равновесие не то и удар слабоват. У меня как назло толчковая правая.

– Я же просил: шутки в сторону. Двадцать километров с полной выкладкой и без протеза не всякий одолеет. То есть подвижность вполне уставная. Это хорошо. С особенностями боевых действий на Кляксе ознакомлены? Воздух, почва, тэ-тэ-ха⁵ местной фауны и все такое?

– Никак нет, – честно признался капитан. – Виноват.

– Стыдно, – заметил полковник.

– Виноват, – повторил капитан с очень искренним смущением в голосе.

– Завтра у нас что? – задумался полковник. – А, воскресенье. Надеюсь, завтра мы послушаем капеллана Причера?

– Разумеется! Естественно!

– Между прочим, на органе у нас играет не кто иной как майор Кэссиди. Не пожалеете. Исполняет несколько топорно, зато от души.

– Знаю. Это я его учил, – гордо заметил Причер.

– Не удивлен. Итак, поскольку завтра воскресенье, то я оставлю капеллана в покое. А вот в понедельник к двенадцати-ноль капитан... Заметьте, не капеллан, а капитан Причер, явится ко мне сдавать зачет по особенностям тактической разведки в местных джунглях. И не дай Бог, – полковник угрожающе потряс указательным пальцем, – капитан Причер забудет, на сколько метров с сантиметрами плюется чешуйчатый псевдозавр при температуре воздуха сто и болотной воды девяносто три.⁶ Ага?

«Ой, худо мне придется», – подумал Причер, а вслух бодро рявкнул:

– Есть явиться на зачет в двенадцать-ноль понедельника, господин полковник, сэр!

– Между нами, капитан. Только не подумайте, что я выдумал этот зачет, потому что мне жожа под хвост попала. Или, допустим, меня очень волнует реакция генерала М.Дж. Причера, если он увидит вас уже без обеих ног... Ерунда. Просто когда в очередной раз попрёт... Разведке туго приходится без тактического координатора, Причер. Иногда из-за его отсутствия гибнут хорошие парни. А в штате таковой не обозначен. Так что на зачете я вам ни малейшей оплошности не спущу. Облажаетесь – милости просим в священники. В попы армейские

⁴ Типично русская игра слов, невозможная в американском языке, на котором говорят персонажи (их «роре» и наш «папа» не эквивалентны).

⁵ ТТХ: тактико-технические характеристики.

⁶ Градусы Фаренгейта. Примерно 38 и 34 по Цельсию соответственно.

обыкновенные. Проявите знание предмета – станете у нас местным рыцарем-храмовником. Интересует?

– Я прямо не знаю, как и благодарить вас, сэр. Такое доверие... Постараюсь оправдать, сэр, – бормотал Причер, донельзя смущенный. Нынче утром его смущали все, кому не лень. – Простите, а что значит – «когда попрёт», сэр?

– Когда попрёт? Не хочу портить вам удовольствие – сами увидите. Это будет очень хорошо видно, Причер. Это невозможно не заметить – когда оно попрёт. Честное слово, мало вам не покажется. И вообще, допивайте свой кофе и отправляйтесь принимать храм. Надеюсь, там все на месте. Если что, вызывайте тыл – помогут... – полковник, кряхтя, поднялся из-за стола, и Причер, который поспешно вскочил, увидел у него на левом бедре кобуру с тяжеленным штурмовым бластером. Тут до капеллана дошло: такие же мощные агрегаты были у всех майоров. За завтраком. В столовой. У всех. Причер это заметил еще когда начальники служб выходили на улицу, но, видимо, пять лет с белым воротничком притупили его чувство опасности. А вот теперь капеллану стало малость не по себе.

«Будем надеяться, что „оно“ не попрёт сегодня, – подумал Причер. – Кажется, сегодня я еще не совсем готов к тому, чтобы пёрло и лезло. Интересно, а я вообще готов? Принципиально? В паладины, в крестоносцы, чтобы в одной руке Книга, а в другой меч... Мне это надо?»

И вдруг с легким благоговейным ужасом почувствовал – не надо. Все еще очень хочется, но уже совершенно не надо.

Глава третья

Бригадный храм оказался в превосходном состоянии, как новенький: камуфлированная железобетонная коробка снаружи – и очень даже приличная церковь внутри. На одной из скамеек дрых тыловой сержант. Причер тихонько к нему подкрался, набрал полную грудь воздуха и рывкнул у безобразника над ухом: «Со святыми упо-кой! Раз-два!». Сержант мешком грохнулся на пол и изобразил позу «вспышка спереди»: тело в струнку, пятки развернуты, нос в ладони. Наверное ему приснилась ядерная бомбардировка. «Крыса тыловая, – констатировал Причер с глубоким удовлетворением. – А ну, джамп!». Тыловая крыса на удивление резво прыгнула вверх прямо из положения лежа, проорала в воздухе «двадцать один, двадцать два...» и на счет «двадцать три» выдала четкое и красивое приземление, хоть сейчас вдевай крысу в парашют – и за борт. «Здрасте, пожалуйста! – удивился Причер. – А я ведь тебя не узнал...». Сержант десять лет назад служил у Причера механиком-водителем командирского транспортера. Капитану с сержантами особо цацкаться не позволял устав, но капеллану было на это глубоко наплевать: Причер сгреб боевого товарища в охапку и чуть на радостях не задушил. «Что же ты, негодяй? Десантник – и в каптерщики подался?» – «А я теперь ограниченно годный, сэр. Компрессионка у меня» – «Зачем тогда прыгал?» – «Соскучился...» – «Ладно, признавайся, все здесь разворовали, или хоть что-то осталось?» – «Да что вы, сэр! Полный комплект. Тут и украсть-то нечего...»

Причер не глядя подмахнул бумаги и ласково, но твердо выставил сержанта за дверь. Ему не терпелось «прочувствовать» храм. Ощутить атмосферу. В каждой церкви она своя, неповторимая. Особенно это заметно в таких вот типовых «помещениях для отправления культа», внешне схожих до мельчайших подробностей. Как тут служили, так здесь и будет. Если воистину служили, тогда в стенах «помещения» рождается аура благолепия: мягкий и уверенный покой. А если всего лишь отправляли культ... Понадобится время, чтобы эту ауру создать. Общими усилиями священника и паствы – только так, вместе, – намолить «помещение», напитать его чистой и бескорыстной любовью к Господу, которая превратит железобетонный ящик в настоящую церковь. А там, глядишь – пошла в разные стороны невидимая теплая волна, и человеку становится хорошо уже за добрую сотню шагов до здания. Он может быть с донесением мимо пробежал, а мысли невольно обращаются к духовному, и сотворит боец про себя немудреную молитву – ерунда, пусть на бегу...

Причер встряхнулся всем телом, выходя из транса. Хороший, теплый, уютный храм. Добрый. И не поверишь, что прежний капеллан под занавес карьеры превратился в воинствующее непонятно что с замашками мракобеса. После таких в атмосфере церкви остается неприятный... Звон. Надрыв. Будто слышишь краем уха, как вибрировал голос проповедника, Слуги Божьего, постепенно теряющего человеческий облик. Запах джунглей, говорите, уважаемый господин полковник? Интересно, где тот капеллан служил до Кляксы...

Причер шагнул к ближайшему окну, поднял светомаскировку и открыл задрайки. Уплотнитель прихватило, но Причер толкнул раму как следует – окно распахнулось. Капитан высунулся наружу и шумно втянул носом воздух. Джунглями не пахло вовсе, пахло дерьмом. Крокодилым. Причер нюхнул еще и сморщился. Ой, не дерьмом – просто-таки говнищем воняло с легкой примесью дезинфекции. «Тоже не подарок. Обязательно помолюсь за бедного своего предшественника. Нужно будет местных порасспросить, что он был за человек. Человек и священник. Так я для себя и не решил этот вопрос – кем проще быть, хорошим человеком или хорошим пастырем. Из чего следует, что пастырь я, прости Господи, хреновый».

Со стороны моря донесся гудок: давала отвалыные «Тревога», отправляясь за сотню миль отсюда кромсать надвигающуюся на побережье волну оранжевого планктона. Капеллан бросил взгляд на часы и захлопнул окно. «Хватит прохлаждаться, пора работать. Двери на

засов. Капеллану Причеру приказываю обживать храм. Быстро разбросать по местам личные вещи – и вперед. Собственные грехи замаливать, просить за братьев по оружию... А сколько народу помянуть нужно! И гордыню свою неумную воздушно-десантную – лбом об пол! Тут люди второй месяц не причащались-не исповедались, а ты, гад, в тактические координаторы рвешься! С понедельника уже готов! В воскресенье парням грешки отпустишь, а в понедельник воевать побежишь? Милости просим, господа, погибайте с чистой совестью?! А ведь это тебе их отпевать придется, тебе лично! Забыл, негодяй, когда разведке тактический координатор позарез нужен?! Когда наши по площадям долбят, а разведка на этих самых площадях застряла, вот когда! Хорош гусь, ничего не скажешь! И полковник тоже хорош, змей-искуситель. Почуял, что слаб ты в вере, и давай совращать... Точно, лбом об пол! Этим самым тупым десантно-штурмовым лбом!.. Между прочим, нужно еще завтрашнюю проповедь обдумать как следует. Ладно, с Божьей помощью все успею. А как капеллан Причер отстреляется, тут и для капитана Причера работенка найдется. И никуда ведь от капитанской доли не денешься, никуда. Так я для себя этот вопрос и не решил, кем проще быть – обычным священником или военным священником. Из чего опять-таки следует, прости Господи, что священник я хреновый...».

Причер взвалил на плечо баул с личными вещами и тяжело потопал к боковой дверце, за которой скрывалась малюсенькая квартирка – его новое жилище. Типовое, лишенное излишеств, казенное, но все-таки донельзя настоящее. Как все в армии. И хоть ты тресни, на ослабленной гражданке ничего подобного нет.

* * *

Суббота прошла без происшествий. Капеллан успел сделать все, что планировал, и даже сверх того. Он побывал на командном пункте и тщательным образом расспросил Кэссиди, чем и как на Кляксе занимается разведка. Узнал, что означает загадочная фраза «когда оно пойдёт», но не особенно поверил. Выходило со слов Кэссиди нечто феерическое, против чего весь опыт службы Причера на «кляксообразных» планетах восставал. Наслушался вдобавок местных сплетен. Затребовал из библиотеки кое-какие файлы. Зашел в арсенал и получил на руки комплект брони, рюкзак с «джангл-выживалкой», оружие и боеприпасы. Надавил слегка на кладовщика и выцыганил себе вдобавок к бластеру дальнобойную лазерную «пилу» – кургузое такое ружьецо, которое здесь отчего-то не жаловали. «Я же разведка, – объяснил Причер. – Это вы, пехтура, любите взрывными долбить с адским грохотом. Мне воевать нужно тихонечко, чтобы вжик – и нету дряни. А то, неровен час, родственники погибшего толпой набегут». – «Здесь дрянь всегда толпой лазает, – сообщили ему. – Хоть шуми, хоть не шуми. Когда пойдёт, сами увидите». Капеллан от души поблагодарил кладовщика за то, как искренне тот пытается его, капеллана, запугать. Но вернувшись на квартиру, тут же занялся подгонкой снаряжения. И очень правильно сделал.

Попёрло в воскресенье на рассвете. Сначала Причер по простоте душевной решил, что это обещанная полковником учебная тревога – «совершенно внезапная, за час до подъема». Нажал кнопку подключения внешнего микрофона и обалдел. По всему периметру базы шла такая массивированная пальба, какой он в жизни не слышал.

– Вот и накрылась моя проповедь... – пробормотал капеллан и потянулся за протезом.

На командном пункте в самом центре собранной и деловитой неразберихи восседал полковник. Морщась и иногда зажимая уши. Вид у него был помятый и невыспавшийся.

– Вовремя вы, отче, – сказал он Причеру. – Эй, Кэссиди! Разведка! Где ты там, отзовись, мать твою! Извините, святой отец. Кэссиди! Тебе капеллан нужен? Поможет он тебе?

– Мне уже сам Господь не поможет! – крикнул откуда-то сзади начальник разведки. – Все, отзывайте спасателя, пока и его не съели! Кончился первый взвод! Остальные выбрались, а первый – кончился!

– Спасательному транспорту немедленно разворот!.. Значит так, святой отец. Будьте добры, смотрите на периметр. Там в шестом секторе ротного заплели, а у меня сейчас замены нет. Примете командование. Задача ваша простая – чтобы все стреляли. Куда стрелять – увидите. Давайте, бегом. То есть не бегом, а машину возьмите какую-нибудь. Любую кроме моей. На моей там написано... В общем, действуйте.

«Ну, помоги мне, Господи!» – подумал Причер, а вслух рявкнул: «Есть, сэр!» и кинулся на улицу к машинам. Первым делом он наткнулся на командирскую амфибию, у которой поперек кормы было крупно нацарапано: «Полковнику никто не пишет». Вокруг нее в организованном беспорядке стояли джипы. Причер запрыгнул в ближайший, врубил навигационную систему, нашел шестой сектор и дал с места полный газ. Езды до шестого предстояло мили две, не меньше.

В плане военная база на Кляксе представляла собой громадную подкову, выдающуюся от линии воды глубоко в джунгли. Креатиновая шахта, на местном жаргоне – «скважина», примостилась на самом берегу, вокруг нее был разбит шахтерский лагерь, и все это хозяйство охватывала почти вкруговую, закрывая собой, база с хорошо укрепленным периметром. Со стороны океана шахтные постройки смыкалась с портовой зоной, откуда ходили транспорты к плавучему космодрому. Здесь было относительно безопасно. Пешее местное зверье к морю-океану ближе, чем на сто шагов, не подходило; всякая летающая пакость тоже держалась лесов и болот. Порт чисто по-земному обнесли бетонным молом и так защитили от джунглей. А с оранжевым планктоном, который имел обыкновение накатывать на берег и в него вгрызаться, поедая на ходу всю органику, справлялась «Тревога». Она же прикрывала и космодром. Сначала его чуть было не построили на суше, но вовремя передумали. Военные едва-едва справлялись с обороной шахты, не хватало им еще нескольких квадратных миль зоны ответственности для полного счастья. Причер не ошибся, когда в разговоре с командиром базы предположил, что на Кляксе должна быть «та еще мясорубка». Не ошибся в принципе. Только занизил масштаб. Основательно занизил. Теперь ему предстояло узнать, как здесь рубятся на самом деле.

Глава четвертая

Над периметром стояло зарево. С высокой бетонной стены так отчаянно палили вперед и вниз, что казалось, будто вся она содрогается в эпилептическом припадке. Там, наверху, шло безостановочное сложное движение, и только стационарные автоматические пушки выглядели в этой кутерьме островками хотя бы относительного спокойствия. Их всего лишь трясло. А люди вокруг так и мельтешили. Причер увидел ведущий на стену транспортер – рядом стоял грузовик боепитания, с него градом сыпались зарядные ящики. Капитан запарковал джип поодаль, чтобы тот не помешал разворачиваться громоздкой машине тыловиков, бросился к транспортеру, запрыгнул на ленту, и его понесло вверх. Над ухом просвистела скинутая со стены пустая коробка, потом еще одна.

Наверху оказалось по щиколотку скользкой зеленой слизи. Двое солдат, перемазанных этой гадостью с ног до головы, ухватили Причера за бока и как пушинку отшвырнули в сторону. Не ожидавший такого приема капитан неловко упал на груды упаковочных ящиков, развалил ее до основания и заскреб ногами, пытаясь встать. Еще одна могучая рука сцапала его за шиворот, выдернула из ловушки и отставила подальше. Транспортер закрипел – оглушительно даже сквозь грохот канонады, – и начал выхаркивать на площадку новые порции боеприпасов.

Причер обернулся к непрошенному спасителю: им оказался еще один донельзя замызганный солдат в массивном комбинезоне-погрузчике. Из его правой руки так и хлестала кровь. Фонтанировала. «Гидравлическая жидкость, – мелькнуло у Причера в голове. – Сколько же они успели патронов истратить, если у этого от натуги привод разорвало?!»

– Отойди! – проорал боец. – В сторону, в сторону!

– Где старший?!

– Там! В сторону!

– Где «там»?! Я новый ротный! Капитан Причер!

– Очень хорошо, сэр! А теперь в сторону, сэр! Ой...

Причеру чувствительно въехали твердым пониже спины. От удара он поскользнулся и снова упал – на прилетевшее твердое.

– Я же сказал – отойди! – ослабевшей правой рукой солдат придал капитану вертикальное положение, а левой одновременно задвинул куда-то за спину прилетевший контейнер. – Зашибут! На краю старший, на краю! Лейтенант Тэйлор!

– Спасибо! – хмуро бросил Причер и поспешно удалился «на край», туда, где у бортика, обрамлявшего стену, рассредоточились стрелки. Капитану вдруг стало жарко. Он не пробыл на стене и двух минут, а уже совершенно оглох и э-э... «Офонарел, – подсказал себе Причер. – Ничего, привыкну».

Под ногами чавкало, и хрустела пластмасса. Вдоль линии стрелков пробежал солдат, толкающий нечеловеческих размеров скребок. Перед собой он гнал мутную волну слизи и плавающих в ней опустошенных пластиковых магазинов. Капитан проводил «мусорщика» взглядом и понял: самое время брать себя в руки и выполнять поставленную задачу.

– Эй! – крикнул Причер, вклиниваясь между двумя стрелками. – А где у вас... – и тут язык капитана прилип к небу. Он увидел, что творится внизу, под стеной.

Оттуда пёрло. По искусственно созданной равнине, отделяющей непролазную зеленую чащобу от периметра, сплошным потоком шло кошмарное зверье. Потрясающее зверье, будто из фантастического кино про мезозой с палеозоем. В совершенно невероятном количестве. И мало того, что шло, так оно еще и плевалось какой-то мерзостью, обильно летевшей через головы солдат. Недаром бортик слегка отгибался вперед: издали звери не доплывали, а вблизи им приходилось завывать траекторию. И все-таки минимум десятая часть плевков

достигала цели – бойцам на стене то и дело приходилось уворачиваться. Все они были в защитных масках, но подставляться тем не менее не желали. Причер их понимал.

– Матерь Божья! – потрясенный до глубины души, воскликнул Причер.

– Срань Господня! – поправили его сзади. Причер оглянулся. Там уже в другую сторону удалялся «мусорщик», по-прежнему гоня волну.

Пушечная турель справа тяжело подалась вперед и начала долбить прямо вниз. Солдаты как по команде шагнули к бортику вплотную и опасно перевесились через край. Тут же кто-то истошно завопил, выронил оружие, повалился в зеленую лужу и принялся по ней кататься, зажимая руками лицо. Значит, ядовитый плевок разъял защиту. На пострадавшего моментально напрыгнули двое соседей, не без труда разжали ладони, содрали маску и плеснули в глаза белой пеной. «Четко работают, – оценил Причер. – Молодцы». Он перекрестился и вслед за стрелками тоже сунулся вперед.

Звери были очень разные, от совсем больших до совсем маленьких. И отнюдь не все умели плевать. Но все они лезли вперед, и под стеной уже образовался солидный курган из бурой пузырящейся биомассы. Микроскопические пульки бластеров разрывали зверей на мелкие клочки, из-под стены хлестало живым мясом. Но мяса этого уже набралось достаточно, чтобы по нему карабкались, скользя, довольно крупные и очень зубастые экземпляры. И на место каждого уничтоженного тут же пёр следующий.

Они были уже близко. С тупым упорством лезли на стену. И некоторые – это было видно, – легко запрыгнули бы на край, окажись у них под лапами надежная опора.

Как замороженный, Причер созерцал невероятную картину. Весь его боевой опыт не стоил здесь ничегошеньки. Он просто такого никогда не видел. Поэтому и поверить не смог, когда ему в общих чертах рассказали. Но теперь...

Прямо в глаза летел ядовитый плевок. «А вот и тот самый чешуйчатый псевдозавр, – подумал капитан, машинально уклоняясь. – Ну, я тебя сейчас...». По кургану взбиралась целая компания дряней, напоминающих то ли ожившую белую горячку, то ли просто кенгуру в зеленой чешуе. Капитан засек среди гадов своего обидчика и выстрелил.

Причер не кривил душой и не выпендривался, когда требовал себе в арсенале «пилу». Разведчики действительно не любят бластеры, это для них слишком шумное и чересчур мощное оружие. Стрелял Причер из него в основном на тренажах, и рефлекс на выхватывание бластера у него не был наработан. Достать эту пушку он мог только сознательно. Чтобы, допустим, взорвать бетонную стену или вырыть танковый окоп. Поэтому совершенно машинально капитан забросил руку за спину, красивым движением извлек лазерное ружье и – вжжжик! – развалил «кенгуру» на две совершенно равных половинки, левую и правую. Очень довольный собой, убрал «пилу» на место и собрался было идти принимать командование. Но тут его в который раз схватили за шкирку.

– Зачем?! – рывкнул капитану в лицо какой-то плечистый мордорот. – Какого черта?! Крыша едет?! А ну, выкинул свой ножик, живо! За борт его!

Ошарашенный Причер молча сунул громиле под нос рукав с капитанской нашивкой. Знаки различия на лобовом щитке шлема давно уже заляпало. Слава Богу, Причеру еще вчера успели объяснить, что плевки активны лишь в полете и секунду-другую после разрыва. Так зверье поганое защищается от собственной ядовитости. А то ведь захочешь соплю во рту погонять – и каюк тебе. Или сплюнешь и разотрешь – гуляй потом без ноги...

– Так вы на замену?! – обрадовался плечистый.

– Так точно! Капитан Причер!

– Очень приятно, лейтенант Тэйлор! Эй, парни! Дольки оставьте в покое! Капитан, прошу за мной. Смотрите.

Причер снова перевесился через бортик.

– Следите за дольками, капитан! Еще секунд десять, не больше...

«Дольки», то есть половинки разваленного Причером «кенгуру», начали трансформацию раньше, секунд через пять. Их вдруг стало корезить изнутри, они заворочались, как живые, и вдруг – Причер едва вниз не свалился от изумления, – действительно ожили. Невообразимым образом вывернувшись наизнанку, каждая из «долек» превратилась в жизнеспособного зверя. Левая – в уменьшенную копию плюющегося «кенгуру», а правая отчего-то в небольшого болотного крокодилчика. Причем «кенгуру» тут же бодро двинулся к стене, а крокодил погреб на животе обратно в джунгли.

– Нехорошо так... – с трудом выдавил Причер. – Нехорошо... Мне же никто об этом... Ни полслова...

– Правильно! – сообщил Тэйлор. – Закон такой!

– Какой?!

– Вы бы для начала кончили новорожденных, капитан! Это тоже вроде как закон!

Причер вытащил бластер, примерился, и грохнул сначала «кенгуру», потом, секунду помедлив – уползающего крокодила. Против крокодилов, травоядных и безвредных, Причер ничего не имел. Они ему даже в какой-то степени понравились. Но раз говорят, что закон...

– Теперь вы понимаете, отчего я перед вами не извинился, господин капитан, сэр? – Тэйлор непочтительно уткнулся шлемом в капитанский налобник, но зато стало можно разговаривать, не срывая голос. И еще – отключить радиосвязь. Так, на всякий случай, от лишних ушей. У офицеров это называлось «перейти на командирскую волну».

– Оставьте, Тэйлор. Я все понял. Слушайте, Бог с ним, с вашим законом, потом расскажете. Доложите обстановку.

– Активных ружей сто тридцать восемь. Потери ранеными двенадцать, убитых нет. Автоматика сектора в норме. С боеприпасами пока что полный ажур, как заказываем, так и привозят. Стволы перегреты тоже не проблема, успеваем менять. Главная беда – то, что доперло уже до стены. Видите, приходится висеть на бортике. Тяжело от этих соплей вонючих уклоняться. Через полчаса люди устанут отскакивать, реакция снизится, и потери резко возрастут. А даст ли полкан воздушную поддержку – это вопрос.

– Почему вопрос? – удивился Причер. – Не может не дать! Ему же самому конец настанет, если джунгли хлынут через стену!

– Ну... Верно. Не дать не может. Вопрос, когда именно. В последние два раза мы допросились воздуха уже на дедлайне. Чего?..

Это Тэйлор обернулся к подскочившему сержанту. Они быстро обменялись репликами, причем Тэйлор в основном кивал, а сержант жестикулировал. Наконец Тэйлор кивнул в последний раз, сорвал с груди офицерский мобильный терминал, протянул сержанту и взмахом руки отпустил его.

– Без меня справятся, – объяснил он Причеру. – Я ему говорю – код мой знаешь? Ну сам и подписывай. По большому счету я тут на фиг не нужен. И вы тоже, сэр. Одно слово – крепость. Отступать-то некуда. Вот солдатики и воюют не за совесть, а за страх. Поэтому их и не жалеют ни хрена. Аж до самого дедлайна.

– Я хотел узнать – а какой он у вас? – спросил Причер. И тут же понял ответ. Судя по увиденному им, эффективно оборонять сектор могло человек девяносто, не меньше. Значит, треть роты должна выйти из строя, чтобы к людям пришли на помощь. «А чего ты хотел, капитан-капеллан? Есть такое слово „армия“, сынок».

– Критическая отметка сотня ружей. Меньшим числом сектор не удержишь чисто физически.

«Матерь Божья! И вправду треть. Но почему? Почему уже сейчас нельзя поднять бомбер и пройти напалмом вдоль периметра? То ли я чего-то не понимаю, то ли что-то здесь не так».

– Керосин весь растащили, – доверительно сообщил Тэйлор. – Суки. Напалм еще в позапрошлый раз извели. Кое-как приноровились выхлопом истребителей прижигать гадов, а теперь и горючка почти на нуле. Потому и гробят солдатиков.

– Есть у них керосин, – вспомнил Причер разговор в столовой. – Сегодня точно должен быть.

– А-а... – лейтенант только рукой махнул. – Вы это... Вы командование у меня принимаете, или как, сэр?

– Уже принял. Здесь больше нет офицеров? Тогда давайте так – вы берите на себя левую часть сектора, а я правую. Сейчас, только сводку посмотрю. И еще... Я вам обещаю. Как только останется сто двадцать бойцов, я начинаю паниковать и требовать поддержки с воздуха. Посмотрим: вдруг у меня получится?

– Ни хрена у вас не получится, господин капитан, сэр, – от души брякнул Тэйлор и поспешно удрал. Причер вздохнул, присел на корточки, чтобы не поймать шальную «соплю», и склонился над своим терминалом.

Сводка не радовала. У соседей творилось примерно то же самое: обезумевшее зверье накатило курган из своих ошметков аж на полстены и лезло дальше. Кое-где начались отказы автоматики, в некоторых секторах потери личного состава выглядели значительными. Радовало одно – не было убитых, только обожженные ядовитой слюной. «Кончившийся» первый разведвзвод пока что для порядка числился пропавшим без вести. Именно эта группа, ушедшая ставить датчики сежения за десятой милей, засекала начало кошмарного нашествия. На свою беду, разведчики не смогли обойти волну зверья с фланга и угодили в мешок. Последний рапорт от взводного по голосовой связи звучал примерно так: «Патронов ноль... гады прут... как жаль, что нет рядом обожаемого господина полковника, нам его здесь чертовски не хватает... мы тут крокодилов разбудили, их в небе туча... отзывайте спасателя, он все равно сквозь них не пробьется... ого, да я уже один...». Задумавшись о судьбе разведчиков, Причер невольно вспомнил, как ему откусили ногу, и зажмурился. А потом встал и пошел направо руководить.

– Эх, человеке, милостию Божьей прими оружие и щит, если у тебя противники злые! – выкрикнул он свой любимый боевой клич, перевешиваясь через бортик. Зверье было уже совсем рядом, и капитан принялся стрелять в оскаленные морды. Следующий час сохранился у него в памяти довольно смутно. Причер осыпал нападающих бластерными пулями и воинственными библейскими текстами, подбадривал солдат, лично оказал помощь троим раненым, принимал донесения от Тэйлора, дважды сменил перегретый ствол – и палил, палил, палил... Сектор потерял еще дюжину человек обожженными, заклинило одну пушку, начались перебои с боеприпасами. Занимался день, с болот шальным ветерком понесло крокодильи стаи, их расстреливали зенитки, и все, что от крокодилов оставалось, валилось оборонявшимся на головы...

В какой-то момент стенка чуть не дрогнула. Самые рослые из нападающих уже щелкали зубами над бортиком, и солдаты, уклоняясь, начали отскакивать назад. Из-за этого огонь поослаб, к громилам подтянулась мелюзга, и на участке, где смыкались зоны ответственности Тэйлора и Причера образовалась свалка. Звери лезли на бортик уже не по мясу, а друг по другу. Секунда-другая, и они посыпались бы на площадку, где бестолково толпилась растерянная оборона. Стрелять из бластера по толпе с дистанции меньше трех футов бессмысленно – это уже зона ударной волны, ты прикончишь нескольких гадов и сам полетишь вверх тормашками. А гадов-то добрая сотня, вот остальные тобой и закусят...

Причер очень вовремя почувствовал, что слева нелады. Оглянулся, испугался – на полном серьезе, – и едва-едва успел исправить положение. Заорав с перепугу «Пр-р-ресвятая Дева!!!» так, что его голос перекрыл шум пальбы, капитан рванул из-за спины лазер и наотмашь шваркнул лучом, пообрубав все инородное, что торчало поверх бортика. Усилиями

«пилы», слопавшей в бешеном импульсе верных пол-аккумулятора, количество зверья через десять секунд должно было удвоиться. Но зато теперь бойцы могли вернуться на свои места. «По местам! – крикнул Причер. – С Божьей помощью – огонь!». И стрелки дружно прыгнули к бортику.

Это было нелегко, но сектор держался. Причер все чаще поглядывал на терминал – не пора ли вызывать о помощи, – и тут помощь явилась откуда не ждали. Из джунглей. Волна атакующих начала выдыхаться. Почуввав скорое избавление от мук, стенка дружно взвыла и принялась отстреливаться с удвоенной силой.

Так прошло еще минут двадцать, а потом наступление кончилось. Вообще. Только одинокий и, видимо, совершенно дурной зверь, смахивающий отдаленно на муравьеда с рогами, бодал увлеченно бортик на стороне Тэйлора. Бодал, хотя запросто мог бы и перепрыгнуть – так высоко поднялся «бруствер».

Причер отстегнул маску и с непривычки чуть не задохнулся. Из-за стены несло плохо стогованным мясом самых разнообразных видов: пережаренным, недоваренным, передержанным в специях и просто тухлым. «Как же они все это убирают? – подумал Причер. – Или само рассосется? Дурак я, конечно, что еще на Земле не просмотрел материалы, прилетел сюда полным чайником. Хотя... Зато интересно».

Муравьеда лупили прикладами по рогам со словами: «Беги домой, придурок, ведь застрелим!». Тэйлор сидел на бортике, хохотал, и подначивал солдат взять зверя с собой в казарму. «Приручите, он вам яйца нести станет, чем плохо – каждое утро во-от такая глазунья?»

– Он правда яйца несет? – спросил Причер, подходя.

– Нет, – вздохнул Тэйлор. – Увы, нет.

При виде капитана солдаты на миг посерьезнели, но, поняв, что застраивать их никто не собирается, опять расслабились. Все уже снимали шлемы, многие расстегнули броню. А на лицах бойцов светилось выражение безоблачного счастья, какое бывает только после тяжелой драки, и у старых опытных солдат, знающих истинную цену таким минутам. Это молодняк, переполненный адреналином, подолгу не может отойти от горячки боя – прыгает, машет руками, орет, задирается, требует море выпивки и голую бабу. «Старики» другие. Они глубже.

– Дурацкая планета, – Тэйлор снял перчатку и взъерошил слипшиеся от пота светлые волосы. – Никто яйца не несет, все размножаются почкованием. И что мы с этого имеем? А то, что элементарная яичница в «офицерке» стоит как бутылка виски. Соскучился по яичнице – слов нет. Ох, тишина-то какая...

Причер снял шлем и прислушался. Действительно, тишина стояла невероятная. Даже буханье пустых ящиков, которыми швырялись полуживые от усталости «грузчики», не портило впечатления. «И этого тоже на гражданке нет», – подумал капеллан. Вспомнил, что он по-прежнему капеллан, и ему скоро читать заупокойную по погибшим разведчикам. От души пожалел заживо съеденных. И все равно не очень расстроился.

– Сегодня выпьем, – это Тэйлор придвинулся к Причеру и заговорщически ему подмигивал. – Я угощаю, господин капитан. Обмоем нашу героическую оборону. И вступление в должность. Вы теперь хоть и временный, но полноценный ротный шестого сектора – у вас даже прозвище есть.

– Какое еще прозвище? – удивился Причер.

– Иоанн Креститель, – сообщил Тэйлор. – Только чур, на ребят не сердитесь. Они что видят, о том и поют. Очень уж вы лихо словом Божьим оперируете. Почти так же ловко, как «пилой».

Причер вспомнил неприятный эпизод, когда звери едва не перевалили через бортик, и свой отчаянный зов о помощи, обращенный к Матери-заступнице. Поблагодарил он Деву потом, или нет? Весь этот бой капитан бормотал себе под нос, а то и выкрикивал в полный голос молитвы. Но это было другое – призыв к святым укрепить хиленькие человечьи силы,

поддержать решимость. А вот сказать конкретное спасибо Той, к которой Причер всегда был душевно равнодушен... «Не могу сейчас. Фальшиво выйдет. Я опустошен, выжат, у меня даже пальцы от слабости дрожат. Вечером. Вечером...»

– Между прочим, меня и правда зовут Джон, – сказал Причер. – Только ни малейшего сравнения с Крестителем я не выдерживаю...

– Нам и такой сойдет, – заверил Тэйлор. – А я Боб. Очень приятно. Эй, вы чего там? Осторожнее, укусит еще...

– Он устал, бедняга, – сказали ласково в толпе солдат. Причер заглянул за бортик. Муравьед сидел на задних лапах, как большая собака, и живым умным глазом разглядывал своих недавних противников. Пасть его была слегка приоткрыта, из нее свисал неожиданно широкий, совсем не муравьежий, розовый язык. Даже не верилось, что еще совсем недавно эта зверюга лезла на рожон, одержимая неведомым бесом.

Пискнул терминал.

– Отбой? – спросил Тэйлор.

– Отбой, – кивнул Причер с легким сожалением.

– Рановато, да? – согласился Тэйлор. – Посидеть бы еще. Эй, господа военные! Ну-ка, врежьте как следует этой животине! Которая яйца не несет! Прогоните ее отсюда к едрене матери! Пусть обратно в лес убегает... По заливку ее, за рогами! У нее там слабое место!

Из-за бортика раздалось обиженное вяканье. Солдаты дружно рассмеялись.

– Наконец-то... Во как улепетывает! Эй, ты больше не приходи! А то ведь на самом деле застрелим!

– Надо было метку ему поставить.

– Я т-те поставлю!

– Да нет же! На рога привязать фиговию какую-нибудь яркую. Чтобы в толпе видно было...

Причер снова заглянул за бортик. Муравьед потешно съезжал на брюхе по скользкому кургану.

– Понятия не имею, зачем я это делаю, – сказал капеллан и потянул из-за спины «пилу». – Чего притихли? Не бойтесь, я не убийца. Я ему просто один рог слегка подрежу. Рога костяные, он ничего и не почувствует. У-упс! Готово. Вот и метка. Вдруг еще в джунглях повстречаемся...

– Загляденье просто, как вы стреляете, – заметил Тэйлор. – Между прочим, мы в джунгли не ходим. Не положено. Ах да, вы же новенький... Извините, сэр.

– Я в джунгли пойду, – сказал Причер жестко. – Обязательно пойду. Сердцем чую, там меня ждет масса открытий.

– Да кто ж вас пустит...

– Там в глубине черти лазают, – сообщил один из солдат. – Зеленые. Разведчики видели.

– Чертей – отставить, – вяло приказал через плечо Тэйлор. – С суевериями и алкоголизмом мы боремся. Слушайте, господин капитан, да плюньте вы на эти джунгли. Ничего там хорошего. И потом, вы у нас теперь надолго застряли, сэр. Ротного сильно покалечило, может, и не вернется.

– Простите, но я тоже не вернусь, Тэйлор. Я ведь не пехотный офицер. Я всего лишь новый гарнизонный священник.

– Черт побери! Ой, извините... – Тэйлор от изумления даже с бортика соскочил и встал навтыжку. Более того, он поспешно нахлобучил на голову шлем. Солдаты за его спиной как-то все подобрались и теперь ели Причера глазами. Вытаращенными глазами. Восхищенными.

– А в джунгли я выберусь. С разведкой. Я ведь по специальности разведчик. Вернее когда-то был. Пока меня там не покалечило слегка... – Причер почувствовал, что скорее оправдывается, чем рассказывает. Наверное ему подсознательно хотелось остаться в шестом секторе ротным. «Атавизмы и рудименты, – подумал он. – Не далее как вчера я понял, что больше не

хочу воевать. А сегодня пострелял – и будто заново родился. Сорок раз прочтешь за это „Отче наш“ и столько же „Богородицу“, Лазарь ты хренов».

– Господин капитан, сэр... Ваше преподобие, – Тэйлор по-прежнему тянул руки по швам. – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь, господин лейтенант... сын мой, – в том же духе ответил Причер, стараясь как-то сбить патетику момента.

– Позвольте узнать, допускает ли ситуация отпущение грехов личному составу шестого сектора, господин капитан, сэр?

– Э-э... Тэйлор, – осторожно сказал капеллан. – Расслабьтесь, а? Конечно допускает. Только не надо мне этой... Строевой подготовки. О, я придумал. Лейтенант Тэйлор!

– Я, сэр!

– Приказываю вам принять командование ротой охраны шестого сектора!

– Есть, сэр!

– Ну, и отлично. С этого момента я для вас не капитан и не начальник, а просто святой отец. Только между прочим, когда наградной список на своих людей подготовите, сбросьте мне копию. Я прослежу, чтобы в канцелярии бригады к нему отнеслись повнимательнее.

– Спасибо... – пробормотал Тэйлор. – Так как насчет отпущения грехов, святой отец? А то мы столько зверья наколошматили сегодня...

– Да это вообще не грех, – утешил лейтенанта Причер. – Это просто самооборона. Недавно сказано: милостию Божьей прими оружие и щит, если у тебя противники злые, глядят на тебя во все глаза как волки на овец, и хотят тебя пожрать внезапно...

– Простите, святой отец, – заявил Тэйлор очень твердо, – но вы ошибаетесь. На Кляксе все с точностью до наоборот. Мы здесь не обороняемся.

– То есть? – удивился Причер.

– Это они от нас обороняются, – объяснил Тэйлор.

Глава пятая

Все необходимые после боя формальности Причер уладил дистанционно, через свой мобильный терминал. Очень уж ему не хотелось являться на доклад к командованию базы в состоянии полного душевного раздрыга, с кучей неприятных и глупых, наверное, вопросов на устах. Поэтому капитан для начала принял душ, переоделся в чистое, а потом добрый час простоял у алтаря. Приведя мысли в относительный порядок, он уселся за компьютер и долго читал справку по флоре и фауне Кляксы. Посмеялся над ученым названием давешнего рогатого муравьеда – «муравьед рогатый». Вспомнил, что пора обедать, и с черного хода посетил офицерскую столовую, где его с радостной готовностью и неким даже подобострастием накормили. Вероятно шестой сектор успел растрепать на всю базу, какой герой и симпатяга новый священник. В обеденном зале шумно беседовали и громко чавкали, Причер на кухне пил кофе и тихо радовался, что его не ищут.

Оказывается, искали. Точнее, деликатно подсматривали. Выйдя за дверь, Причер наткнулся на джип – тот самый, что позаимствовал у командного пункта. В машине сидел давешний сержант-тыловик, бывший десантник и подчиненный.

– Здравсте, господин капитан. Принимайте технику, – обрадовал Причера сержант, выбираясь из-за руля. – Вот здесь распишитесь в получении.

– Мне же не положено... – удивился Причер.

– Очень даже положено. Вы же, извините пожалуйста, ограниченно годный по статье би-два. Согласно параграфу... забыл какому, если расстояние от квартиры офицера до зоны ответственности по боевому расписанию превышает милю... Короче говоря, ваше преподобие, не трендите, а ставьте закорючку.

– Ща как дам в ухо! – пообещал Причер, внимательно разглядывая приходный ордер. – Признавайся, стервец – чья команда насчет машины?

– Не могу знать, господин капитан, сэр! Вроде бы лично начальник тыла майор Джефферсон распорядился. Господин капитан, сэр.

– А раньше машина кому принадлежала?

– Майору Джефферсону, господин капитан, сэр.

Причер закусил губу, чтобы не расхохотаться. Сейчас, при ярком свете, видно было, что джип порядком заезжен. «Вот она, тыловая доброта. С одной стороны – начальник облагодетельствовал капеллана, с другой – на новую тачку пересядет».

– Вы за нашего шефа не беспокойтесь, господин капитан, сэр, – неверно истолковал выражение лица Причера сержант. – Майор Джефферсон уже с утра на новой ездит. Вы ему, можно сказать, подарок сделали. Прибежал на склад, аж глаза светятся, кричит – гип-гип-ура, капеллан сослепу мою развалюху угнал! Пусть теперь сам с ней и... Ну, вы поняли, господин капитан, сэр.

– Ладно, – Причер расписался и полез в джип. – Ты это... Я ведь тебе в ухо не двинул за сниженную лексику, верно?

– За какую, сэр?

– За панибратский тон при разговоре со старшим по званию. Так что давай, отрабатывай должок. Напалм есть на складах? А? Не слышу ответа. Только не вздумай мне тут невинную барышню изображать, я же тебя, пройдоху, насквозь вижу!

– Ничего я не изображаю... А напалм еще в позапрошлый раз кончился. И не будет его долго. Грузовик только через месяц ждем.

– Почему? – коротко и всеобъемлюще спросил Причер.

– Перерасход, – так же коротко ответил сержант. – Джунгли жмут. Сами понимаете, им наши графики не указ.

– А живая сила, она что, из грязного белья самозарождается?

– Не понял, сэр?

– Я говорю: напалм на Кляксу строго по графику поступает, а солдаты – в любом количестве?

– Не-ет... – сержант даже улыбнулся, так Причер его удивил. – Да вы что, святой отец, да откуда? Еще парочка таких наездов, как сегодня, у нас лазарет треснет. А на стенку придется весь тыл выгонять, даже эм-пи наверное... Пополнение тоже на грузовике придет. Главное чтобы мы продержались. Раньше-то пёрло раз в месяц, ну два. А теперь дней через десять-одиннадцать. И двоиться они, гады, начали.

«Нервный я стал, – подумал капеллан. – Все заговоры мерещатся. А тут просто бардак и положение, близкое к критическому. Нормальная армия».

– Того и гляди стену одолеют, а тогда крышка нам, – не унимался сержант. – Одна надежда – по плану эвакуации все уцелевшие отходят к порту и лезут на «Тревогу». Хотите совет, господин капитан? В обход Устава, по старой дружбе?

– Ну?

– Если зверье ломанется через стену, бросайте все, хватайте любую машину, хоть полковничью, и катите к порту. На территории мы как в западне. Эту волну не удержишь, когда она идет по ровному месту. Никаких шансов. Кто замешкается на минуту, не выберется. Так что бросайте все и спасайтесь. А я вам местечко на борту забью, гарантированно.

Причер отчетливо скрипнул зубами. Теперь ему хотелось дать сержанту в ухо на полном серьезе.

– Сколько наших берет «Тревога»? – спросил капитан преувеличенно ровным тоном. План эвакуации он, естественно, посмотреть не успел. А надо было.

– Порт сначала принимает гражданских со скважины. Они уходят на своих баржах, занимают их целиком. Потом грузимся мы – к русским. Все управление, лазарет, те зенитчики, которые успеют добежать, и процентов двадцать стрелков. Больше просто не выживет.

– Я спрашиваю предельную загрузку. Ты должен знать.

– Это и есть предельная загрузка. Только она не понадобится. Разуйте глаза, командир. Вы же видели сегодня, как оно прет в скользкую горку. Теперь представьте, как оно скачет по сухому. И прикиньте, что на одного нашего с ружьем будет минимум десятков тварей с зубами и соплями... – сержант очень старался быть убедительным. Знал, что капитана Причера голыми эмоциями не пробьешь. А капеллана Причера он в упор не видел. Действительно, какой ему смысл давать советы капеллану – чужому и непонятному человеку?

– Даже вы, сэр, не подстрелите десять тварей за одну секунду, – заключил сержант. – А сколько будет случайных попаданий... Нечаянных выстрелов из бластера в упор... Нет, сэр, дохлый номер. Даже на Черных Болотах такого не было. Помните, когда мы на полпути транспортер доломали?

– Не «мы доломали», а ты доломал!

– Ну, я... Вы тогда еще «пилой» отмахивались, когда у нас «кувалду» заело...

– Допустим, у тебя заело!

– Ну, пусть у меня. В любом случае, здесь-то «пила» не спасет, они же двоятся. Хорошо еще, черти из джунглей не выходят пока.

– Зеленые такие, чешуйчатые?

– Слыхали уже? Вот страсть, наверное! Не-ет, если периметр не удержим, это будет гибель, сэр. Верная смерть. Извините, что-то я разболтался. Господин капитан, сэр.

«До чего же мне нужен толковый советчик! – мучился Причер. – Который давно сидит на Кляксе и хорошо владеет ситуацией. Кэссиди? Если бы... Он мыслями там, в джунглях, со своими разведгруппами. А того, что творится под самым носом, скорее всего, не замечает. С кем бы мне поговорить по душам? А, кстати...»

– Русский пароход у нас на боепитании состоит? – деловито осведомился Причер.
– Естественно, сэр. Он вообще по документам проведен, будто не русский, а наш. Только команда ихняя, типа наемники. Так налоги меньше.
– Значит ты можешь выяснить, на какое число у них дозаправка заказана?
– Да я и так знаю, сэр. Это ж не секрет. В пятницу утром они вернутся. К вечеру освободятся и начнут сходить на берег. А вам кто из русских нужен? Мичман Харитонов небось?
Причер задумчиво почесал в затылке.
– Нет, – сказал он. – Мичман Харитонов пока не нужен. Честно говоря, сам не знаю, для чего мне эти русские. Но ты о моем вопросе – никому, понял?
Сержант подобрал живот и вытянулся в струну.
– Я – могила, сэр. И вообще... В вашем распоряжении, сэр. В любое время. Только прикажите. Любая услуга. Вы меня знаете.
– Знаю, – кивнул Причер. – А ну, признавайся – в контрразведку по-прежнему стучишь?
– Есть маленько, – сержант виновато опустил глаза. – С ними же как связался, потом не отвяжешься.
– Кто у них на базе главный?
– М-м... – сержант окончательно потупился. – А вам очень надо?
– Фамилия в принципе роли не играет. Но хотелось бы на будущее иметь представление, что он за человек. Вдруг гнида какая-нибудь.
– Он хороший человек! – горячо воскликнул сержант. – Вы его совсем еще не знаете, но это настоящий офицер, почти как вы.
– Хороший, говоришь... – Причер задумался. – Ну-ну. Пока сам не попрошу, на меня не капай. Договорились?
Сержант заметно побледнел.
– Да как вы могли такое подумать, господин капитан... Да я за вас...
– А вот когда попрошу – капнешь, – заключил Причер. – Ну, благодарю за информацию. Тебя подбросить?
– Спасибо, не надо, – сержант, утомленный задушевной беседой, полез в карман за платком. – Я лучше на кухню заверну, кофейком офицерским побалуюсь. Вы это... Благословите, что ли, меня, а? Господин капитан, сэр...

* * *

Кэссиди сидел в кабинете начальника разведки, положив ноги на стол, и дымил сигарой.
– Присаживайтесь, святой отец, – сказал он, не меняя позы. – С чем пожаловали?
– С вопросами, – Причер уселся в кресло напротив.
– Ну-ну, – Кэссиди выпустил в потолок несколько сизых колец. – Только постарайтесь не доконать мое пищеварение. А то господин полковник и так из меня все печенки вынул.
Причер вздохнул. Кэссиди молча курил и ждал. Капеллан горбился в кресле и тоже молчал. В кабинете вдруг стало очень неуютно.
– Хорошо! – не выдержал Кэссиди. – Вас, конечно, интересует, почему в файлах по местному зверью не сказано, что оно «двоится». Почему нет данных о масштабе атак на периметр. Еще вам хочется знать, куда подевался нападм. Все? Ах да, про чертей! Зеленых таких, чешуйчатых. Которые в глубине джунглей, за десятой милей. Так?
Причер снова вздохнул, на этот раз очень жалостливо.
– Докладываю по пунктам, – сказал Кэссиди. – Двоится зверье начало примерно месяц назад. Приблизительно в то же время атаки пошли гораздо чаще и на порядок мощнее, чем раньше. Да-да, именно на порядок, я не преувеличиваю. Вот куда делся весь нападм, а потом и все реактивное горючее. Хотя сейчас керосина натащили со скважины, на пару-тройку прохо-

дов хватит. Зарядов для бластеров и пушек у нас достаточно, стволов и ремкомплектов тоже. Недостаточно личного состава. Уже сейчас людей мало. А дальше будет только хуже. Все эти наши горести и несчастья господин полковник весьма подробно описал в панической депеше хозяевам планеты. Но даже если концессионер нам и поверит, грузовик от этого быстрее не полетит. Нужно продержаться еще месяц. А что касается чертей...

– Можем поговорить как люди? – перебил Причер. – Без Устава?

– Естественно, – Кэссиди снял ноги со стола и положил на него локти. – В чем проблема, Отходняк?

– О-о... – Причер возвел глаза к потолку. – Кэс, умоляю, забудь ты эту отвратительную кличку. Я все-таки духовное лицо. Теперь.

– Принято. Так в чем дело, Джон?

– У тебя была масса возможностей рассказать мне, что звери двоятся. Но ты этого не сделал. Почему?

– Закон такой, – Кэссиди хитро прищурился. – Ладно, не обижайся. Действительно закон. Ему всего месяц, но он правильный. Согласись, когда ты это увидел – обалдел? Челюсть отвисла?

– Допустим, – сознался Причер.

– Никто не верит, – сказал Кэссиди тихо и как бы виновато. – Мы специально для донесения концессионеру распилили нескольких псевдозавров и засняли весь процесс. И знаешь, сами как-то до сих пор... Короче говоря, на слово никто не верит. Непременно решит попробовать и полоснет по живому – не «пилой», так еще чем-нибудь режущим. Тогда и придумался ритуал: новичок должен собственными глазами увидеть, как оно... И насколько это опасно. Рефлекс вырабатывается, скажу я тебе, отменный.

– И насколько это опасно?

– Если срубить голову или лапу отрезать – ничего сверхъестественного не произойдет. Средних размеров зверюга новую голову отращивает минут пять-шесть...

– Голову? – переспросил капеллан. – Это как? Там же мозг! Этот... Главный, основной, которым думают. Головной!

– Может, он им больше жить не мешает? – предположил Кэссиди.

– Аж завидно, – хмыкнул Причер. – Сам бы не отказался.

– Лапа побыстрее отрастет, минуты за три, – продолжал Кэссиди. – А вот если покромсать все туловище, как рулет его нарезать, тут-то и начинается шоу. Псевдозавра я рубил лично на шесть частей. Выросло три его маленьких копии, два крокодилчика и один муравьед. Все попытались удрать в болото – сообразили, гады, что ростом не вышли. Ученых сюда надо, конечно. Только ведь съедят их...

– В файлах, которые выдали мне, про регенерацию сказано четко: «нет», – задумчиво протянул Причер. – И мозги у зверей находились на положенных местах, один в башке, другой в заднице. А ведь исследовательская группа забила немало животных. И на запчасти разбирали их.

– Этим файлам шестой год. Приспособилось зверье.

– Ничего себе «приспособилось»!

– Из нас с тобой в училище за пять лет сделали офицеров. Скажешь, мы не приспособились?

– Мы не научились отращивать новые конечности, – Причер выразительно хлопнул себя по брючине; раздался глухой пластмассовый звук. – А про головы я вообще молчу. И рассыпаться на крокодилчиков – тоже не научились.

– Так мы же люди, – веско сказал Кэссиди. – Послушай, Джон, это все очень интересно и щекочет воображение, но у нас на сегодня одна-единственная задача. Удержать периметр. А

если по-простому – остаться в живых и защитить скважину. Стоять до упора, пока ученые не разберутся с креатином. Просто стоять.

– Или загонять шахтеров на их баржи, самим грузиться на «Тревогу» и уходить в море. Пока опять не поперло, вдвое сильнее, чем прежде.

– Это говорит священник или офицер? – Кэссиди прищурился вновь. – Священника я еще могу понять, он же не в курсе, что к русским все не поместится...

– Челночными рейсами до космодрома. Сгрузить часть народа в космодромные склады, тогда места на воде хватит всем. Если гонять одну «Тревогу», это можно сделать за сутки. А если использовать еще и шахтерские баржи...

– Очнись, Джон, – попросил Кэссиди очень мягко. – Мы не можем уйти с материка. Просто не можем.

– Извини, Кэс, но я утром держал периметр. И теперь мне отчего-то кажется, что очень даже можем. Если не должны. А креатин пускай добывают из шельфа. Бросят рядом с космодромом плавучую буровую – и качают. Чтобы отгонять планктон, хватит той же «Тревоги» за глаза и за уши. Потерь таких не будет, понимаешь? Ненормальных. Жалко ведь людей, нельзя так с ними! Сколько у нас сегодня обожженных? Двести?

– Под триста. И человек двадцать нужно отправлять домой, здесь их не починишь. Джон, я все понимаю. Но это не в нашей власти.

– А в чьей тогда? – спросил Причер едко. – Во власти Кляксы? Послушай, Кэс, ты меня удивляешь. Прямо у тебя под носом происходит чудо. Настоящее чудо. И оно может иметь лично для тебя самые неприятные последствия. Оно майора Кэссиди элементарно слопает. А ты думаешь, как бы продержаться месячишко, пока не подвалит грузовик с более мощными пушками, напалмом и прочей дребеденью. Только вот как ты запоешь, когда джунгли пойдут таким валом, что все твои пушки захлебнутся? Или зверье покроется шкурой, которую напалм не возьмет?

– Откуда знаешь?! – в легком ужасе пробормотал Кэссиди.

– Предполагаю. Если чудо началось, его не остановить. У чуда свои правила игры. Знаешь, что мне сказал один толковый парень на стене? Что это не мы от джунглей обороняемся, а наоборот, они от нас. Разуй глаза, Кэс! Пять-шесть лет назад здесь лазало обыкновенное болотное зверье. Мы его видели кучу на других тропических мирах. Да оно и на Земле примерно такое же. У него есть мозги, желудок, сердце, кровеносная система... Кэс, дружище, ты кромсаешь его на шесть частей, и что получается? Шесть жизнеспособных и сообразительных особей трех разных видов! Это истинное чудо, Кэс! И поверь мне, священнику и офицеру – если уж оно задалось целью опрокинуть нас в море...

– Ты здесь вторые сутки, – сказал Кэссиди тоскливо. – А я второй год...

– Ну и дурак! – сделал четкий вывод Причер.

– ...так вот ты посиди здесь с мое, а потом уже изображай оракула, – резюмировал Кэссиди.

– Но ведь чудо, Кэс!

– Чудо, – легко согласился Кэссиди. – И я очень надеюсь, что на грузовике прилетит несколько авторитетных биологов. Которые нам расскажут, как с этим чудом бороться. Лишь бы их не съели...

– Так, – сказал Причер, отдуваясь. – Хватит. Упорен ты в своих заблуждениях похлеще Фомы Неверующего. Так упорен, что даже меня почти убедил. В одном убедил: может, действительно имеет смысл дожидаться биологов. Сдаюсь. Но только по этому вопросу.

– У-у... – Кэссиди тихо взвыл и трагически закрыл лицо руками.

– Потерпишь еще немножко, Кэс? – спросил Причер участливо.

– У-у... угу... – донеслось сквозь плотно сжатые пальцы.

– «Двоение» и резкое усиление атак начались примерно месяц назад.

– Угу...

– Кэс, что тут у вас произошло? Что-то должно было произойти. Не может быть такого, чтобы зверье с бухты-барахты начало показывать чудеса и идти на приступ огромными толпами.

Кэссиди выглянул из-за своего укрытия и тупо уставился на Причера.

– А чего тебе надо? – спросил он. – Вспышку активности местного светила? Изобару какую-нибудь аномальную?

– При чем тут изобара? – Причер начал тихо закипать. – Джунгли не изобару грызут, а нашу стену. Кстати, – поправился он, – изобара тоже... Не без греха. Когда идут серии запусков с плавучего космодрома, гидравлический удар должен быть тот еще. Океан его целиком не погасит. Так что изобара... Слушай, Кэс, не сбивай меня с толку. Что здесь произошло?! – Причер ткнул пальцем в столешницу. – Здесь! Что?!

– Ни-че-го.

– Совсем никаких событий?

– Почему? Зверье попёрло как никогда раньше.

– Так прямо само по себе и попёрло?

На этот раз Кэссиди не взвыл, а застонал. В полный голос.

– Капитан Причер, – сказал он. – Не издевайтесь над начальством. Ему хреново, оно целый взвод потеряло в джунглях. Ему знаешь, как стыдно? Лучше бы я сам там загнулся!

– Ты когда последний раз был на исповеди, Кэс?

– Нет! – отрезал Кэссиди. – Не смогу. Честное слово, Джон, я для тебя и на органе сбациаю, и поднос с причастием держать буду, и все что угодно. А вот исповедаться – только не тебе. Извини. Ты ведь людям душу наизнанку выворачиваешь. Уж лучше к психоаналитику. Там хотя бы ожидаемый результат за свои деньги. А с тобой бесплатно и очень больно. Кстати, был я на исповеди два месяца назад. Как раз черти в лесу завелись... Или нет, когда черти, это уже твой предшественник с ума сходить начал. Именно от них, родимых. И я грешным делом побоялся к нему соваться. Значит месяца три не исповедался. Все, отстань. Не пойду к тебе. Не пойду. Эх, жалко, психолог на Землю удрал, сука трусливая, нестроевая...

– А что еще за черти? – небрежно поинтересовался капеллан.

– Да бегают какая-то погань зеленая. Человекообразная. Далеко, за десятой милей. Я сначала решил, что просто с океана дунуло – нанюхались парни морского воздуха, и все дела. А потом гляжу на монитор: действительно черти. Ну, кто-то из моих деятелей святому отцу на них и пожаловался. А у святого отца – хрясь! – и башня на сторону. Раз двадцать ко мне приставал: возьми, да возьми его в джунгли. Решил один на один с чертом схлестнуться. Послал я его подальше. Ка-ак он меня понес! Мол сволочь, отступник, на исповедь не ходишь, ну и все такое прочее. В общем пошел вон, на порог больше не пушу. Я даже расстроился. Он ведь какой-никакой, но все-таки священник был. Только очень уж сумасшедший. Звоню Кронштейну, говорю: выручай. Тот, естественно, в бутылку лезет – мол я русский офицер и не имею права вступать в ваши американские дела. Ну, тут уж ему лично полковник напомнил, кто на Кляксе хозяин... Кстати, Джон, ты с русскими здесь поосторожней. Это они только с виду такие хорошие. А на самом деле у них идеология: очень здорово, что НАТО платит нам жалование – мы ему за это при каждом удобном случае жопу показывать будем. Очень большую, на все полученные деньги... И не ухмыляйся, я не шучу, а цитирую радиоперехват. Да, про Кронштейна! Священник за ним до самого порта гнался. И пока капеллана на Землю не отправили, бедняга Эйб на базу – ни ногой. Тоже наверное... Расстроился. Вроде меня. Ох, Джон, как вспомню – так вздрогну. Думаешь, почему у тебя комната заново окрашена? Он Библию разодрал и из страниц обои сделал. Это мы потом узнали, конечно. После того, как он атаку отбивать полез. В одно прекрасное утро. Как раз зверье штурмовать нас пошло, а капеллан –

на стену. Без защиты, в одной сутане. Приволок на себе здоровенный крест – сколотил из двух скамеек. Запрыгнул на бортик и да-авай нечистую силу пугать... Уффф...

– А меня в джунглипустишь? – неожиданно спросил Причер.

Кэссиди растерянно умолк.

– Сейчас ведь там не опасно, – заметил капеллан. – В ближайшие дни зверье будет накапливать силы. Что ему какая-то разведгруппа? Верно?

– Если бы я не знал, кто у нас на базе контрразведчик, я бы подумал, что это ты, – медленно произнес Кэссиди.

– А кто у нас контрразведчик? – оживился капеллан.

– Обойдешься.

– А если окажется, что мы без его помощи отсюда не выберемся?

– Тебе-то чего беспокоиться? Ты по эвакуационному плану на периметр не идешь. Твоя задача – выводить в порт личный состав отдела Службы поддержки. Конкретно – руководить погрузкой блядюшника.

– Кэс, ты забыл, что ли, с кем разговариваешь?

Кэссиди бросил полный надежды взгляд на часы.

– Десять минут, – сказал он. – Еще десять минут ты меня изводишь, а потом я уйду на командный. И попробуй только сунуться туда за мной. Пока не сдашь полковнику зачет...

– Тогда я смогу выйти в джунгли?

– Ну чего ты там забыл?!

– Я разобраться хочу, – сказал Причер твердо. – Я хочу выяснить, почему мне так не удается побыстрее сделать отсюда ноги. Поэтому сначала я просмотрю журнал оперативного дежурного за последние... Ну, месяцев шесть. А потом выберусь в джунгли. И в том, и в другом мне понадобится твоя помощь. Твой первый взвод отпеваем через двое суток, так?

Кэссиди хмуро кивнул.

– Прочитаем ребятам достойную отходную – и я пойду.

– Поздно будет, – слабо возразил Кэссиди. – Джунгли уже зашевелились.

– А и хрен с ними. Пусть шевелятся. Так даже лучше. Кэс, ты же не хочешь, чтобы я полез туда в одиночку?

– Еще чего! Шантажист! Не хватало нам тут одного сумасшедшего капеллана – другой объявился! Во вторник иди. Послезавтра утром. Так уж и быть, включу тебя в список. Учти, пойдешь в роли чемодана. Никаких фокусов, подчинение старшему группы полное.

– Спасибо. Но возможно, мне понадобится еще один выход, чуть позже. Именно когда зашевелиятся джунгли.

– Джон, ты хуже танка. Что ты со мной делаешь?

– Всего лишь пытаюсь достучаться до того Кэссиди, которого знал когда-то. Парень, ты просто устал. Расслабься. Предоставь все мне. Только немного помощи и чуточку не мешай. Договорились?

– Угу...

– Последний вопрос. Почему ты так уверен, что база на материке необходима? Почему нельзя запустить плавучую буровую?

– Помнишь Черные Болота?

Причер зябко поежился. Черные Болота чуть не стоили ему жизни и воинского звания. Но он добился-таки своего: армия оттуда ушла, разорвав контракт на «охрану и оборону». Причер терпеть не мог, когда армия ввязывалась в коммерческие предприятия. Обычно это плохо кончалось – военные либо по-дурацки гибли, либо разлагались, напрочь забывая, что они военные, и в итоге гибли еще более глупо. Именно с Черных Болот Причер вывез привычку: оказавшись на новом месте службы, первым делом выяснять, кто тут резидент армейской контрразведки. И еще он поклялся бежать сломя голову отовсюду, где армия продавалась

монополиям. Конечно это был лейтенантский максимализм. Дослужившись до капитана, Причер уяснил: монополиям продавалось все на свете, а не только армия. Даже Церковь, такая внешне независимая, на самом деле играла с корпорациями в сложную многоходовую игру. Вместо того, чтобы бить в лоб, предпочитала обыгрывать. Хотя могла бы запросто предать анафеме... Да тот же самый креатин. Заявить, что он от лукавого – и все дела. Была проблема – не стало проблемы. С креатином вообще дело темное. Ничего еще пока не доказано, а носятся с ним дальше некуда. До того носятся, что даже Кэссиди напоминает про Черные Болота. А этот намек означает простую и страшную вещь: хозяева шахты, истинные ее хозяева, готовы ради креатина посылать людей на смерть толпами. Потому что деньги вложены, но дополнительных вливаний не будет. Никаких инвестиций, пока земная фармацевтика не потребует оптовых партий высокоочищенного креатина. Пока что она довольствуется партиями опытными. И весьма осторожна в прогнозах. Значит, концессионер-разработчик будет любой ценой оборонять шахту. Это потом, когда акции взлетят до небес, можно будет потратиться на буровую платформу. А пока что...

– Кэс, я правильно тебя понял? Здесь Черные Болота номер два?

– Здесь хуже, – Кэссиди усмехнулся одной стороной рта. – Только учти, строго между нами. Как на исповеди. В общем, полкан вовремя подсуетился, и теперь держит несколько процентов акций. Если вся эта затея с креатином себя оправдает...

– ...господин полковник улетит отсюда на собственной яхте, – заключил Причер. – Ой-ой-ой, какой тяжелый случай. Не завидую я нам.

– Честно говоря, у меня тоже предчувствия не ахти. Но согласись, на Кляксе идет такая серьезная игра, что на свечи просто нельзя скупиться. А вдруг креатин и вправду окажется эликсиром жизни? Бессмертие! Заманчиво – а, Джон?

– Да на фига оно, бессмертие? – буркнул Причер. Машинально, даже не задумываясь.

– То есть как – на фига?!

– Ну, что ты с ним будешь делать?

– Хм... – Кэссиди на миг задумался. – Для меня это реальный шанс дослужиться до генерала. Так-то я просто не успею. А очень хочется. Чтобы звездочек – четыре штуки! Отличный начальник Генштаба из меня получится.

Причер озадаченно почесал в затылке.

– Ладно, можешь не принимать в расчет мои честолюбивые мечты, – разрешил Кэссиди. – Да и кто я для гарнизонного капеллана Причера – так, еще одна заблудшая овца, хе-хе...

– Ерничать только не надо, угу? – попросил гарнизонный капеллан.

– А вот полковник тебе не по зубам. По некоторым данным, полкан вбухал в акции всё, что у него есть. Дом свой, и тот заложил. Он тебя за эту скважину крокодилу в жопу вобьет, и отправит с попутным ветром на другой конец материка.

– М-да... – Причер раздраженно скрипнул зубами. – Прямо хоть папе звони...

– Римскому? – с уважением спросил Кэссиди.

– Ага... Понтифик спит и видит, как я звоню ему в кабинет. По сто раз на дню кардиналов дергает – а не объявлялся ли такой военный священник с истинной церковной фамилией?...⁷ Конечно не Римскому папе. Моему. Вдруг придумает что-нибудь?

Кэссиди разочарованно цыкнул зубом.

– Извини, Джон, но твой отец здесь не справится. Не такие деньги сюда вложены, чтобы их перевесил один-единственный генерал. Пусть и очень свирепый.

– Сам знаю, – от души признался Причер. – Ладно, Кэс. Надоели мне умные разговоры. Хочу вина. Хочу бокал чего-нибудь легкого и розового. И хорошую книгу. И сигару. Спасибо, Кэс, не буду я тебя больше мучить. Спасибо...

⁷ Preacher (англ.) – проповедник.

– Сигару – на, – Кэссиди выдвинул ящик стола, достал запечатанную коробку и толкнул ее в сторону Причера. – Забирай. А насчет вина даже не знаю. У нас и виски-то не осталось – негодяй Мерфи с собутыльниками выхлестал. А еще летчик называется... Слушай! Есть вино! У тебя. Не меньше тонны должно быть на складе.

– Гораздо меньше. По описи сто тридцать пять литров, – возразил Причер.

– Как? – изумился Кэссиди.

– Сколько есть, столько есть. Но шутка твоя неудачна, – Причер ошутимо посуровел. – Если священник начинает стаканами хлестать причастное вино, значит он уже меньше чем наполовину священник.

– Джон! – благоговейно выдохнул Кэссиди. – Что же такое получается... Значит, этот козел, твой предшественник... Прости, Господи! Этот... твой предшественник... сожрал минимум пятьсот литров причастного вина за неполный год! Матерь Божья! То-то мы его в баре никогда не видели!

– Может, он его вместе с твоими разведчиками пил? – невозмутимо предположил Причер. – Откуда и черти пошли – зеленые такие, в пупырышках?

– В чешуе. Да нет, Джон, я же их сам видел. А я причастное вино употребляю только в установленных Церковью дозах. В остальное время исключительно пиво и виски.

– Мы выпьем сегодня немножко? Пусть не виски, так пива. Лейтенант Тэйлор обещал угостить. Ведь тебе нужно расслабиться, Кэс.

– Если Тэйлор угощает, мы точно расслабимся. Забавный парень. Вроде бы очень набожный. А ведь капеллана с его крестом со стены вниз головой на транспортере спустил. И вслед ему орал, что будет нещадно бороться с суевериями и алкоголизмом. В том числе и среди духовенства... Хорошо, капеллана грузчики скрутили – а то был бы у нас в строю лейтенант, преданный анафеме!

– Я себе представляю... Какой бардак! – Причеру очень хотелось рассмеяться, но он вдруг почувствовал себя невероятно усталым. Сил хватило только на мягкую улыбку. Именно такую, какая приличествует священнику.

– Это ты еще в наш бардак не заходил! – оживился Кэссиди.

– И не зайду.

– Джон, признайся, ведь не может быть такого, чтобы ты ни разу в жизни не был с проституткой.

– Майор Кэссиди, вам давно уже пора на командный.

– Скажи, Джон, ну какой смысл принимать духовный сан, если ты и так святее всех святых? Ни разу!... А?! Ни разу!...

– Кэс, придержи язык. Я же потом лоб разобью – болтологию твою замаливать.

– Слушай, Джон, – Кэссиди подался через стол к Причеру и заглянул ему в глаза. – Ну мы играли в добрых католиков, да. Еще на Черных Болотах это началось. С твоей фамилией ты просто не мог в это не играть. А мне было интересно – и я подыгрывал. Мы не валяли дурака, ни в коем случае, но и в попы не собирались. Просто офицеру положено читать отходную по своим погибшим. Ты это делал хорошо, с душой. Люди заметили, как ты это умеешь делать. Слушать тебя полюбили. Задавали вопросы, как настоящему священнику – и ты что-то объяснял им. Ладно, почему бы и нет? Мы с тобой беседовали о духовном, читали книги, пытались что-то понять... Но у тебя оставалась все та же тяжелая рука, и ты был, извини, что напоминаю, Джонни-Отходняк. А теперь... Двое суток не прошло – вся база знает, что ты Иоанн Креститель. Не хлопай глазами, я же разведчик. Джон, в тебе всегда была скрыта колоссальная сила. И ты всегда любил Господа, как мало кому дано. Ты его правильно любил. Ты его... м-м-м... Понимал. Нечего отмахиваться. Понимал. Чувствовал. Но... Джонни, между нами... Только не обижайся! Ну какой, ну какой из тебя священник?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.